

18+

Никифор Мранька
*Век прожить — не поле
перейти*

Книга вторая

Никифор Мранька

**Век прожить — не поле
перейти. Книга вторая**

«Издательские решения»

Мранька Н.

Век прожить — не поле перейти. Книга вторая / Н. Мранька —
«Издательские решения»,

...Перед ним раскинулось его поле, узкое, словно сурбан. По обеим сторонам его теснила межа, на которой шелестели сухие стебли полыни и лебеды, будто шептали что-то древнее, забытое. Опустившись на колени, он зачерпнул горсть земли, сжал её в ладони. Холодная, плотная, ещё не проснувшаяся. «Успею ли я вернуться к тому моменту, когда она созреет?» Ему показалось, будто сама земля вздохнула, жалуясь на одиночество. Словно брошенная хозяином, она ждала, когда её вновь согреют трудом и заботой.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	42
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Век прожить — не поле перейти

Книга вторая

Никифор Мранька

Переводчик Татьяна Владимировна Рымарева

© Никифор Мранька, 2026

© Татьяна Владимировна Рымарева, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-1505-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-1504-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

Анук переступила порог дома — и замерла у двери, словно невидимая преграда остановила её на полпути. Втянув голову в плечи, она боялась двинуться дальше. Так стыдно ей не было даже тогда, когда отец, гневаясь, отчитывал её за брак с Николаем.

Сантар не удостоил дочь и мимолетным взглядом, продолжая чинить хомут. Его спина оставалась прямой, а профиль — резким и отстранённым. Только мать смотрела на неё тепло. В её глазах не было осуждения, ни упрёка, ни разочарования — лишь тихая, неизменная любовь, способная согреть даже в самый лютой холод.

— Господи помилуй, Анук, — тихо проговорила Настя, — что же ты, словно чужая, стоишь в дверях? Проходи, дочка, проходи в дом.

Ласковый зов матери, такой непохожий на ледяное молчание отца, ударил в сердце Анук острой волной. Доброе, давно забытое, вдруг прорвалось сквозь броню, которую она столько месяцев выстраивала вокруг себя. И вместе с ним — слёзы. Они поднялись тихо, незаметно, но неумолимо, затуманивая взгляд, обжигая веки.

Настя испугалась. Она знала характер своей дочери: Анук никогда не склоняла голову перед трудностями и не искала утешения в слезах. И если дело дошло до слёз... значит, в душе её творится нечто немыслимое.

Четыре месяца минуло с того дня, как зять исчез — словно камень, брошенный в бездонную реку. С тех пор по селу ползли слухи, один страшнее другого. Говорили разное, шептались, качали головами, но Анук держалась. Даже когда боль жгла её изнутри, словно пламя, она не позволяла себе ни всхлипа, ни жалобы.

Настя смотрела на дочь, и сердце её сжималось от немого вопроса, от страха за то, что скрывалось за этими тихими, горькими слезами.

— Анук, что с тобой? Почему ты плачешь? — голос Насти дрожал, словно натянутая струна, в нём звучала не просто тревога.

Анук молчала. Слова застряли в горле, тяжёлые, как камни. Как признаться, что неделя тянется в голодной тишине, что суп давно стал лишь призраком еды — капля муки, разведённая в воде, жалкая попытка обмануть голод? Как сказать, что вчера иссяк и этот скудный запас?

Мысли вихрем кружились в её голове. «Позор... Позор для мужа, для свёкра — её приход сюда. Перед отцом... Особенно перед ним». Она невольно бросила взгляд в сторону Сантара — тот по-прежнему сидел неподвижно, будто её здесь и не было.

Была бы она одна — ни за что не опустилась бы до просьбы. Умерла бы с голоду, но не протянула руку. Но она не одна. Сын. Сердце кольнуло, будто тупым ножом. Семимесячный, неутомный, он ещё пытался вставать, хватаясь за край лавки, падал — и смеялся, звонко, беззаботно. Соседи дивились, что мальчик так быстро растёт, словно никогда не видели такого ребенка.

Но теперь... Теперь всё иначе.

Молоко ушло. Голод выжал его из её тела, как сок из высохшего плода. Сын стал беспокойным, цеплялся за неё с отчаянной силой, искал то, чего больше не было.

Губы дрогнули. Слова, тяжёлые и горькие, наконец сорвались с языка:

— У нас... хлеба нет, — прошептала Анук, и слова, вырвавшиеся наконец наружу, повисли в воздухе тяжёлой, неотвратимой правдой.

Она и не догадывалась, что родители давно всё знали. Из-за этого между Сантаром и Настей не раз вспыхивали горячие споры.

Когда-то Сантар почти смирился с её выбором. Почти научился принимать Николая как зятя. В те недолгие дни, когда казалось, что жизнь налаживается, он даже начал испытывать гордость: зятя избрали уполномоченным земельной общины. Сантар воображал, как Николай займёт достойное место среди уважаемых прихожан, как семья обретёт стабильность...

Но надежды рассыпались в прах.

Николай не просто не оправдал ожиданий — он словно нарочно растоптал их. Вместо того чтобы с умом воспользоваться своим положением, сблизиться с влиятельными людьми, он бросил вызов Миххе. И с этого момента их жизнь превратилась в череду тревог и страхов.

Он исчез, а в их дом стали наведываться стражники. Обыскивали всё — переворачивали каждый угол, вытряхивали сундуки, шарили по чердаку. Каждый стук в дверь заставлял сердце замирать: а вдруг сегодня уведут в Сибирь? А вдруг не поверят, что они не знают, где прячется зять?

Стражники до сих пор рыщут по округе. Ищут Николая. Обвиняют в поджоге. Мечтают упрятать за решётку.

Сантар, несмотря на всю свою суровость, сердцем любил дочь. И оттого её беда ранила его вдвойне — каждый взгляд на осунувшееся лицо Анук, на её потухшие глаза отзывался в нём глухой, бессильной болью.

«Если бы она осталась у Алексея... — мелькнула горькая мысль. — не было бы в Эне-шкасси женщины богаче...»

В голове снова и снова прокручивались одни и те же упрёки: «Сама виновата. Пошла наперекор, отвергла то, что судьба давала в руки. Выбрала негодяя — и теперь расплачивается. И себя мучит, и ребёнка, и нас с матерью...»

Терпение лопнуло внезапно. Он резко отшвырнул хомут, будто он жёг ему руки.

— Хлеба нет, говоришь? — голос Сантара прорвался сквозь тишину, резкий, как удар кнута. — Значит, пришла просить хлеба? Ну так скажи мне — кто виноват в том, что у тебя пусто в карманах? Сама виновата! Всё ты сама натворила!

Он шагнул ближе, глаза пылали негодованием.

— Бог давал тебе счастье — большое, настоящее. А ты променяла его на нищенскую суму! Вся деревня знала, каков Николай: пьяница, картежник, в чужих краях и того хуже — по притонам шатался. Все знали, а ты — нет! Ты даже не потрудилась разузнать, за кого идёшь!

Его голос дрогнул, но тут же снова набрал силу:

— Я не вмешивался, когда ты выбирала мужа. Не стоял у тебя на пути. Так чего же ты теперь ко мне пришла? Если не захотела жить по-человечески, если отвергла достаток и уважение — так иди, шей себе суму да ступай по миру, проси милостыню!

Сердце Анук разрывалось на части. Отец не просто отказал в помощи — он с холодным презрением растоптал самое дорогое, что у неё оставалось: память о горячо любимом муже. Если бы не сын... Если бы не его голодный плач по ночам, не беспомощные ручки, тянущиеся к груди, где уже не было молока, — она бы тут же ушла и никогда больше не вернулась. Но страх — ледяной, всепоглощающий страх, что малыш может умереть с голоду — приковывал её к месту. Она стояла, сжимая кулаки, глотая слёзы, горькие, как полынь, и молча выслушивала отцовские упрёки.

В памяти Насти вспыхнуло то роковое собрание общины — миг, когда Николай бросил вызов Миххе. Вся их жизнь после этого пошла под откос. Оставаясь наедине с дочерью, Настя лишь качала головой, произнося твёрдое: «Не надо было ему идти против...» Но даже после всего, что случилось, в её сердце не угасли ни уважение, ни тихая, упрямая любовь к зятю.

— Сантар, не говори зря, — голос Насти прозвучал тихо, но твёрдо, пробиваясь сквозь лаву мужниного гнева. — Бога бы побоялся. Это же твоя дочь... родная кровь... Пришла к нам за помощью, а ты на неё, как на чужую, ругаешься! И зятя зря хаешь. Ты знаешь, каков Михха. Он любого может погубить.

— Зря хаю?! — ещё больше ошетинился Сантар. — Мало ему, что отец едва сводит концы с концами, так он ещё и на Михху полез — будто мышшь на кота! Грамотный нашелся! Возомнил себя умнее всех! Ни сына, ни жену не пожалел...

Он на миг замолчал, переводя дух:

— А где мы хлеб найдём? Нам и самим не хватает...

— Хватает или не хватает — дело второе, — твёрдо перебила Настя. — Сейчас надо думать, чем помочь!

Не дожидаясь возражений, она шагнула к лавке, взяла непечатый хлеб — ещё тёплый, с золотистой корочкой, — и протянула дочери. Анук схватила хлеб, словно утопающий — спасательный круг. Пальцы судорожно сжали мягкую ткань платка, обёрнутого вокруг буханки. Она едва ощущала землю под ногами, когда выбегала из дома. За всю жизнь у неё не было ничего более ценного. Этот хлеб — не просто еда. Это тепло матери, это капля надежды, это молчаливый щит между ней и голодной тьмой, что уже подступала к порогу.

Ваня, одетый в домотканый суконный пиджак, с лапотками на ногах, беззаботно играл на ступеньках крыльца. Его маленькие пальчики ловко перебирали щепки. Рядом с ним, глубоко задумавшись, сидел Степан. В его глазах застыла глухая боль — боль человека, который день за днём ждёт весточки от пропавшего сына. Ни единого слова, ни малейшего следа. Только пустота, растягивающаяся с каждым рассветом.

Мысли Степана невольно возвращались к тем немногим деньгам, что остались после ухода сына. Восемь рублей ушли на крещение внука. А потом пришёл староста собирать подать. Требование, от которого не скрыться. Чтобы расплатиться, пришлось продать почти всё зерно — тот самый запас, который должен был прокормить семью до нового урожая.

Теперь на пороге стояла весна — время надежд, время пробуждения земли. Но Степану она принесла не радость, а новую тревогу. Приближалась пора сева, а у него не было ни денег, ни семян.

Больше всего Степана терзало, что невестка теряет молоко. Он видел, как слабеет внук, как беспокойно он ворочается в люльке, как жадно ищет материнскую грудь — и сердце старика сжималось от бессильной боли. Он, человек, привыкший решать проблемы, сейчас был абсолютно беспомощен. По ночам, когда дом погружался в тишину, Степан лежал без сна, и в голове снова и снова прокручивались слова Николая. Он вспоминал, что говорил ему Николай о возможности заработать на Волге, и винил себя за то, что не послушал сына.

Громкий возглас Ванечки резко оборвал тягостные раздумья Степана.

— А-а-э-э!.. — залился малыш, вскидывая к матери ручонки, словно крохотные ветви к солнцу.

Анук тотчас прижала ребёнка к груди. Её движения, несмотря на усталость, были наполнены трепетной нежностью: она коснулась губами мягкой макушки, вдохнула родной запах волос. Затем, подняв глаза на свёкра, мягко позвала:

— Отец, заходи в дом, кушать будем!

Степан замер. В руках невестки — каравай хлеба. Свежий, с золотистой корочкой, от него едва уловимо тянуло теплом и ароматом ржаной муки. В одно мгновение он понял, откуда этот хлеб. Сердце сжалось так, что стало трудно дышать.

«Да помилует меня Пречистая... — пронеслось в его мыслях. — Бедная невестка пошла просить, унижаться, лишь бы накормить меня. Старый я дурак... И что теперь? Взять из её рук последний кусок? Нет. Ни за что. Лучше уж...»

Внезапная решимость, острая, как лезвие, пронзила его: «На Волгу. Немедленно. Хоть грузчиком, хоть черноработчим — но добыть деньги, пока не поздно».

Он глубоко вдохнул, выпрямился и вошел в дом вслед за невесткой.

— Садись за стол, отец... Сейчас суп подам, — тихо сказала Анук, ставя хлеб на стол.

Степан опустил взгляд на скатерть, на дрожащий блик света на деревянном столе. Голос его прозвучал глухо, но твёрдо:

— Спасибо, невестка... Мне пока есть не хочется.

Голос свёкра дрогнул на полуслове. Анук вскинула глаза. В его взгляде, обычно твёрдом, сейчас читалась какая-то непривычная, почти детская растерянность.

— Не говори так, отец, — мягко, но настойчиво проговорила она. — Как же не хочется? Ты ведь со вчерашнего дня ничего не ел.

— Ничего, невестка... Ешьте сами... — отозвался он, отводя взгляд к окну, где угасал серый предвечерний свет.

— А ты?.. — в её голосе зазвенела тревога.

Степан глубоко вздохнул, словно собираясь с силами.

— Я... Решил идти на Волгу. Иного выхода нет.

Ноги Анук подкосились. Она без сил опустилась на скамью, чувствуя, как мир вокруг теряет чёткие очертания. «Боже упаси... Муж пропал. Теперь и отец хочет уйти... Что станется со мной, если останусь одна? Кто защитит нас?» Мысли метались, как птицы в клетке, а в груди разрасталась ледяная пустота.

Степан стоял перед ней, и сердце его разрывалось. Когда сын уходил, он дал слово — быть опорой для невестки и внука. А теперь он сам готовился переступить порог, оставляя их на произвол судьбы. «Как я могу уйти? — билась в голове мучительная мысль. — Кто присмотрит за ними? Кто даст кусок хлеба?»

Но сколько ни терзайся, ни плачь — от беды не избавишься.

— Пожалуй, и денег на дорогу не найду...

Степан хорошо знал: по Волге от Аталкасси до Казани — пятьдесят пять вёрст. В мыслях он снова и снова возвращался к этому расстоянию, пытаясь измерить его не в вёрстах, а в надеждах. «В Казани дело найдётся скорее, — твердил он себе. — Там жизнь кипит, там всегда нужны рабочие руки».

На первый взгляд, пятьдесят пять вёрст — пустяк: выйди утром — к вечеру уж на месте. Однако Степан хотел добраться до полудня, чтобы сразу приступить к поискам работы. Ему не терпелось поскорее вернуться домой — не оставлять надолго невестку и внука, а управиться за неделю.

При таком раскладе лучше всего было бы сесть на пароход. Но... на билет не было ни копейки.

Он ломал голову, перебирал в уме все возможные варианты — и всякий раз упирался в одно и то же: кроме двадцати копеек, припрятанных за иконой, денег не имелось. Эти монеты Татьяна оставила «на память» — как—нибудь сходить в храм, поставить свечу, помолиться за семью. Степан не решался тронуть их из уважения к жене, к её скромной, бережливой натуре.

Сегодня он всё же не выдержал.

«Татьяна простит... — прошептал он, глядя на тусклый блеск серебра. — И Бог не рассердится. Они знают, насколько я нуждаюсь. Хорошенько подзаработаю, приду и поставлю свечу: не на двадцать — на сорок копеек...»

Он подошёл к иконе. Прежде чем взять деньги, хотел, как обычно, помолиться. Вспомнить умерших детей, жену, родителей, бабушку и дедушку. Пожелать им сытой, светлой жизни по ту сторону бытия. Но язык не поворачивался. Теперь, когда сам был голоден, ему казалось, что такие слова станут насмешкой над ушедшими.

Вместо этого он тихо произнёс:

— Пусть тяжёлая земля над вами станет лёгкой... Пусть ваши души ходят по молочному озеру.

Затем попросил дать ему благословение и счастье в долгой жизни, защитить невестку и внука, оставшихся дома.

Взял деньги. Ещё раз взглянул на икону — не для молитвы, а чтобы хоть немного подбодриться. За спиной — невестка, съезжившаяся от горя. Не стоит её расстраивать ещё больше, показывая свою слабость.

Степан глубоко вдохнул, вытер глаза и повернулся к Анук.

— Послушай, невестка... Не нужно слишком горевать. Заработаю на хлеб и семена — и вернусь к севу. Ты здесь... Береги Ваню...

Голос Степана дрогнул на последнем слове, но он тут же сжал губы, стараясь удержать рвущуюся наружу тоску. В глазах Анук ещё стояли слёзы, но она медленно кивнула, словно пытаясь убедить не только его, но и саму себя.

Она выпрямилась, расправила плечи и тихо, но твёрдо ответила:

— Я не горюю, отец. С нами ничего не случится. Возвращайся живой и здоровый. А теперь садись за стол, покушай. Нельзя отправляться в дальнюю дорогу на голодный желудок...

Степан лишь махнул рукой, стараясь казаться бодрее, чем был на самом деле.

— Помилуй, невестка... Зря беспокоишься. Разве я когда-нибудь жаловался, что голоден?

Но Анук уже знала: если отец семейства говорит, что «не голоден», значит, голод терзает его сильнее обычного. Не говоря ни слова, она отрезала половину каравая — того самого, что едва удалось добыть, — и ловко уложила в сумку.

— Возьми! В дальний путь без куска хлеба не уходи.

Её доброта — эта готовность разделить последний кусок, не оставив себе даже лишнего ломтя, — вдруг ударила по сердцу Степана сильнее, чем все тревоги последних дней. Он почувствовал, как к горлу подступает горький ком, как глаза начинают жечь непрошенные слёзы.

— Не надо, невестка... — прошептал он, едва сдерживаясь. — Если захочется есть, у меня есть деньги на хлеб. И надеюсь, что уже завтра найду работу. Хлеб вам самим нужен...

Он не стал прощаться с внуком. Не смог. Боялся, что, взглянув на малыша, уже не найдёт в себе сил переступить порог.

Резко повернулся, накинул на плечи ветхую суму и вышел, не оглядываясь. Дверь за ним тихо скрипнула, оставив Анук одну в полумраке.

— Ушёл...

Как только дверь за свёкром закрылась, Анук бессильно опустилась на лавку. Из груди вырвался глухой стон — не крик, не плач, а скорее хриплый выдох, в котором слились воедино боль, страх и отчаяние. Она чувствовала себя так одиноко, как никогда прежде. Дом, ещё недавно казавшийся надёжным укрытием, вдруг превратился в холодное, безмолвное пространство. Каждый звук — шорох ветра за окном, даже собственное дыхание — лишь подчёркивал эту гнетущую пустоту. Руки сами потянулись к груди, словно пытаясь унять боль, рвущуюся изнутри. Она сжала край платья, чувствуя, как ногти впиваются в кожу, но даже эта маленькая физическая боль не могла заглушить ту, что терзала сердце.

Анук закрыла глаза, но перед внутренним взором тут же возник образ Степана — его суровая, но добрая улыбка, морщинистые руки, привыкшие к тяжёлому труду. Слезы наконец прорвались — тихие, горячие, они катились по щекам, оставляя мокрые дорожки. Она не пыталась их остановить. Не было сил. Не было слов. Только это безмолвное горе, которое, казалось, заполнило всё её существо.

Анук прижала ребёнка к груди так крепко, будто боялась, что и он исчезнет. Тёплое тельце малыша, его ровное дыхание — единственное, что сейчас связывало её с жизнью.

Губы дрожали, когда она заговорила — тихо, едва слышно:

— О моё дитя... Твой отец ушёл... Твой дедушка ушёл...

Слова тонули в сдавленных всхлипах, а горячие слёзы одна за другой падали на мягкую макушку младенца, оставляя влажные следы. Она не вытирала их — пусть текут, пусть смывают эту невыносимую боль, пусть хоть как-то облегчат тяжесть, давящую на грудь.

— Что будет с нами?.. — прошептала она, и голос сорвался. — Где найти силы?..

Ваня удивленно посмотрел на мать и сразу заплакал. Анук шепнула сыну, целуя его:

— Мой милый... Ты только родился, а уже пьёшь из материнской груди молоко печали и горя.

— Какая судьба тебя ждёт?.. — шептала Анук, качая сына. — Что ты увидишь, когда вырастешь?..

Она всматривалась в личико младенца — такое беззащитное, чистое, ещё не знавшее горечи жизни, — и сердце разрывалось от нежности и боли.

— Не плачь, маленький... — она коснулась губами его лба, оставляя лёгкий, как вздох, поцелуй. — Велика воля Божья. Может быть, Он благословит тебя каплей счастья... Он скоро вернётся...

Последние слова она произнесла едва слышно, и сама не поняла, о ком говорит. О муже? О том, кто ушёл в неизвестность, оставив их одних, и чья судьба теперь — лишь молитва да тревожные думы? Или о свёкре, который отправился искать пропитание в далёкой Казани, рискуя не вернуться?

Глава 2

Степан замер в полумраке сеней, словно невидимая сила удерживала его на пороге. За дверью — улица, чужие взгляды, вопросы, на которые у него нет ответов. Слезы туманили глаза; он торопливо вытер их рукавом кафтана, но всё не решался переступить за порог. Страх сжимал сердце: вдруг встретится женщина с пустым ведром — дурная примета, предвестница беды...

В голове метались мысли: «Что же делать? Вернуться в избу, попытаться успокоить невестку? Нет, не стоит. Она и так на грани — любое неосторожное слово может стать последней каплей». Он глубоко вздохнул, пытаясь унять внутреннюю бурю: «Пусть будет как будет. Что придёт — то и уйдёт...»

Наконец он шагнул наружу. Медленно снял шапку, зажал её под мышкой, поклонился сперва на восток, потом на запад по обычаю. Трижды перекрестился, словно запечатывая за собой дверь в прежнюю жизнь. Затем резко надвинул шапку на лоб и твёрдо вышел со двора.

Дорога вела мимо старой ивы. Летом её ветви укрывали от зноя, зимой служили защитой от метелей. Дерево было ему больше, чем просто дерево: оно было пристанищем, тихим уголком, где можно было собраться с мыслями. Но теперь он проходил мимо, не оглядываясь, оставляя иву — и часть себя — позади.

И в тот миг, когда он свернул за поворот, ему показалось, что ива осталась стоять в одиночестве, словно сирота, потерявшая последнего близкого.

Раньше Степан всегда шёл по улице с открытым сердцем. Встречался взглядом с прохожими — и тут же лицо его озарялось тёплой улыбкой. Приветствие срывалось с губ само собой, и разговор завязывался легко. Односельчане души в нём не чаяли — за простоту, за сердечность, за то, что умел и выслушать, и словом поддержать.

Теперь всё переменялось.

Он шагал быстро, почти бежал, словно за спиной слышался топот стражников. Плечи ссутулились, взгляд уткнулся в землю. Если впереди показывался человек, Степан невольно сворачивал на обочину, прижимался к плетню, пропускал мимо. И в ответ молчание. Ни привет, ни взгляда, ни намёка на прежнюю сердечность.

«Если так Богу угодно, — подумал он с горькой покорностью, — пусть показывают на меня пальцем, пусть смеются...».

Степан поднял воротник, спрятал руки в карманы и снова двинулся вперёд — растерянный, одинокий, будто потерявший ключ от прежнего, доброго мира.

Выйдя из деревни, он замедлил шаг, словно пытаясь слиться с тишиной, что окутывала землю. Сердце билось ровно, но в груди теснилась тревога: лишь бы никого не встретить, лишь бы остаться наедине с мыслями.

Вскоре перед ним раскинулось его поле, узкое, словно сурбан. По обеим сторонам его теснила межа, на которой шелестели сухие стебли полыни и лебеды, будто шептали что-то древнее, забытое. Он подошёл ближе. Кое-где из прошлогодней стерни пробивались молодые сорняки, придавая земле пёстрый, неровный узор. Присев на корточки, он зачерпнул горсть земли, сжал её в ладони. Холодная, плотная, ещё не проснувшаяся. «Сейчас к пахоте не готова. Но успею ли я вернуться к тому времени, когда земля созреет?»

Ему показалось, будто сама земля вздохнула, жалуюсь на одиночество. Словно брошенная хозяином, она ждала, когда её вновь согреют трудом и заботой. Не выдержав, он опустился на колени, снял шапку и прошептал молитву, голос дрожал, но слова лились сами:

— О, святая земля... Не гневайся и не проклинай меня. Не оставлю сиротой надолго. Заработаю деньги, вернусь и засею тебя.

Взгляд поднялся к небу — бескрайнему, голубому, как память о чём-то утраченном. И тогда он заговорил с теми, кто уже не мог ответить:

— Эй, дедушка и бабушка... Родители... Незабвенная Татьяна... Дети... Родные... Да будет легка тяжёлая земля над вами. Пусть души ваши ходят по озеру молочному. Помилуйте, не бросайте меня. Принесите счастье в далёкой земле. Эй, Николай угодник и Святая Прасковья... Помилуйте, не оставьте меня. Помогите найти работу и заработать деньги. Клянусь перед этим чистым полем и голубым небом — поставлю перед вами свечу в двадцать копеек.

Он перекрестился, прижался губами к прохладной земле, будто пытаюсь впитать её силу. Затем, бережно подняв ком земли, положил его в сумку — как талисман, как обещание, как связь с тем, что нельзя потерять. И, оставив поле позади, он пошёл дальше — шаг за шагом, навстречу неизвестности, но с тяжестью земли в сумке и молитвой в сердце.

Зелёным шёлковым ковром раскинулись луга — будто сама земля вздохнула весной и оделась в изумруд. Тёплые, неторопливые дожди ласково омывали всходы, а солнце, словно заботливый родитель, согревало их нежными лучами, пробуждая к жизни.

На деревьях робко набухали почки — в них уже пульсировал живительный сок, предвещая скорый праздник зелени. Казалось, лес затаил дыхание, готовясь в один прекрасный день распахнуть объятия и явить миру пышный наряд из молодых листьев.

А в вышине, в бездонной лазури неба, разливалась песня жаворонка. Его звонкие трели, чистые и прозрачные, как утренний воздух, плыли над землёй, наполняя всё вокруг невыразимой радостью пробуждения. То была песнь весны, песнь возрождения — мелодия, сотканная из света, тепла и надежды.

Весна...

Сколько восторженных строк посвятили ей поэты! Сколько звонких песен сложили, славя ее красоту! В стихах — лазурное небо, в песнях — щебет первых птиц, в каждой рифме — трепет зелёных побегов, тянущихся к солнцу. Но в этих гимнах не слышно голоса крестьянина, для которого весна не праздник, а испытание.

Для того, кто живёт в достатке, весна — картина: распускающиеся цветы, тёплые дожди, лёгкий ветер, несущий аромат свежей земли. Она радует глаз, согревает душу, дарит ощущение обновления. Но для бедняка весна — это время тревог, а не восторгов.

Она приходит вместе с голодом. Зимой ещё можно выжить: остатки урожая, заготовленные дрова, скудный запас муки. Но к весне кладовые пусты. Поля ещё не дали урожая, а старые припасы иссякли. Дети смотрят голодными глазами, в доме холод, а впереди — долгие недели ожидания, пока земля оплатит трудом за труд. Весна для бедняка — пустые амбары, тонкие ломти чёрствого хлеба, тревожные взгляды на ещё голые поля. Он не любит цветением черёмухи. Он считает дни до жатвы. Поэтому бедняк не воспевает весну. Он ждёт осени. Осень — вот его праздник. Осень приходит с урожаем, с теплом рук, сжимающих полные снопы, с запахом свежеепечённого хлеба. Она дарит сытость — пусть временную, пусть хрупкую, но реальную.

То же самое случилось и со Степаном. Когда-то он радовался весне — вдыхал её аромат, замечал, как нежно светлеет небо на рассвете, как первые листья шелестят на ветру, будто пробуждаясь от долгого сна. В дни достатка сердце его откликалось на эту красоту, и мир казался полным чудес.

Но теперь... Теперь он шёл, словно слепой и глухой. Весна раскинула над землёй свой изумрудный покров, а он не видел ни ярких красок, ни трепетной нежности пробуждающейся природы. Нужда, безжалостная и холодная, закрыла перед ним дверь родного дома — и он шагал по миру, как один из миллионов обездоленных, для которых весна не праздник, а напоминание о пустоте в закромах.

В Аталкасси Степан прибыл на рассвете. Не задерживаясь ни на миг, он торопливо миновал господский дом — величественный, чужой, — и волостную контору, где решались судьбы

таких, как он. На ходу он мельком отметил: здание наконец достроено. Линии стен ровны, окна блестят — словно символ чужого благополучия, возведённого на чужом труде.

Чуть дальше, у пристани, кипела работа: два огромных амбара поднимались в небо, будто исполинские стражи будущего богатства. Степан остановился на миг, вглядываясь в суету плотников, в груды досок, в поднимающиеся стены. «Михха строит», — вспомнились ему слухи. Теперь он видел это своими глазами: амбары росли, а его жизнь рассыпалась по крупiciам.

Он не стал задерживаться. Время не ждало.

Пройдя чуть дальше, он встал в очередь — началась продажа билетов.

Степан родился на волжском берегу — там, где река, могучая и неторопливая, веками несёт свои воды, словно измеряя время. Всю жизнь его мир ограничивался родными местами: заливные луга, изгибы реки, Кармашинский рынок — вот и вся дальняя дорога, что выпадала ему. Лишь однажды судьба заставила отправиться дальше — в Чебоксары. И вот теперь, с бьющимся сердцем, он ступил на палубу. Деревянные доски под ногами показались ему ненадёжными, хлипкими. Он ещё не успел отыскать укромный уголок, куда можно присесть, как вдруг пароход издал три протяжных гудка — гулких, властных. Палуба дрогнула, и Степану почудилось, что она сейчас расколется, рухнет в бездну, увлекая его за собой.

Он прижался к груди ящичков, словно ища опоры в чём-то твёрдом, знакомом. Руки невольно вцепились в шероховатые доски, дыхание замерло. Но постепенно дрожь улеглась, и он смог перевести дух. Оглянулся на пристань — туда, где оставалась его жизнь, его земля.

Пароход медленно отходил. Пристань, набережная, знакомые силуэты домов — всё замелькало, ускользая прочь. Сердце Степана сжалось от щемящей тоски. Ему вдруг показалось, что эта стальная громада не просто увозит его вдаль, а отрывает от самой сути бытия. От родины, от корней, от всего, что он знал и любил.

«Увозит... — пронеслось в голове. — Увозит туда, где всё чужое, где нет ни лица знакомого, ни голоса родного. Словно на край света, словно на погибель...»

В Казань пароход прибыл около полудня. Степан поспешно сошёл на пристань, но вынужден был задержаться: прямо навстречу пассажирам хлынула плотная волна людей.

Это были крючники — коренастые, крепкие мужчины лет тридцати-сорока, с широкими плечами и мощными руками. Широкие бороды и кудрявые, чуть растрёпанные волосы словно довершали портрет настоящих богатырей, вышедших прямиком из народных сказаний. Одежда тоже была особенной. Длинные, свободные рубахи до колен из плотной ткани, широкие и при этом короткие синие штаны. На ногах — шерстяные носки и лапти. За спинами у каждого покачивалась туго набитая подушка, а в руках они держали тяжёлые металлические крючки.

Не теряя ни мгновения, крючники устремились к груди ящичков на палубе. Двое схватили ящик, ловко подцепили его крюками, переложили на подушку товарища, стоявшего следом. Тот, едва приняв груз, тут же рванул к сходням — и вот уже бегущая цепочка людей уносит тяжести прочь с парохода. Движения их были отточены, слаженны, будто танец, где каждый шаг заранее известен.

Степан слышал про этих людей — они трудились на каждой пристани, и, говорят, зарабатывали неплохо. Сердце вдруг сжалось от отчаянной надежды. «Помилуйте, это дело мне по плечу!» — пронеслось в мыслях. Он сделал шаг вперёд, приблизился к одному из крючников и осторожно тронул его за плечо.

Тот резко обернулся. В глазах — явное недовольство, будто его оторвали от важного дела. — Что тебе нужно? — голос звучал сухо, без приветливости.

Степан сглотнул, подбирая русские слова.

— Вы бы приняли меня работать?

Крючник с первого взгляда понял, что перед ним чуваш, и сказал со смехом:

— Богатыри, смотрите, смотрите! Василь Ваньч хочет быть крючником!

Крючники захохотали. Один из них толкнул Степана углом ящика:
— Что ты рот разинул, дай дорогу!

Степан не нашел слов, чтобы ответить, и молча отошел в сторону. Когда немного успокоился, вместо гнева на крючников стал упрекать себя: «Так и надо мне. Зачем я к ним обратился? Хозяева ли они, чтобы принять меня на работу?»

Степан сошёл с пристани и замер. Перед ним раскинулась живая река людей — плотная, шумная, неукротимая. Толпа бурлила, словно на Кармашинском рынке в самый разгар торговли: кто-то торопливо шагал, кто-то заговаривал на ходу, где-то вспыхивал смех, тут и там слышались обрывки споров. Сердце сжалось. «Как среди этой многочисленной толпы отыскать хозяина, ищущего слугу?» — пронеслось в голове. Но раздумывать было некогда. Желание поскорее найти работу гнало вперёд, будто невидимый хлыст. Он сделал шаг, погружаясь в людской поток, и мысленно прошептал: «Хоть бы случайное счастье улыбнулось...»

Он брёл, вглядываясь в лица, прислушиваясь к разговорам, ловя обрывки фраз — не проскользнет ли где-нибудь слово о найме, не мелькнет ли надежда. Но вокруг лишь суета, лишь чужие заботы, лишь гул чужих жизней.

Дойдя до хлебной лавки, Степан снова остановился. Аромат свежеиспечённого хлеба ударил в нос, заставил желудок сжаться в голодном спазме. Он невольно сглотнул слюну, глядя на румяные караваи за стеклом. Если бы в кармане лежали хоть какие-то деньги — он бы вошёл, купил ломоть, насытился, хоть на миг почувствовал тепло сытости. Но в кармане тихо позвякивали лишь пять копеек. Он отвернулся от лавки, чувствуя, как внутри разрастается горькая пустота. Улица продолжала жить своей жизнью: люди шли, торговали, смеялись, а он стоял, словно призрак среди этого мира, где у каждого было своё дело, свой хлеб, своё место — а у него не было ничего, кроме надежды и пяти копеек в кармане.

Время шло. Никто не подходил к Степану с предложением работы — и сам он не решался ни к кому обратиться. Молча брёл он по улице, пока не оказался в самом её конце. Сердце невольно сжалось: куда теперь? Где искать пропитание?

Вдруг в памяти всплыло: вербовщики обычно держатся у пристани. Не теряя надежды, Степан повернул назад. У пристани он присел на деревянную бочку, огляделся. Между бочками и ящиками бродили десятки людей в длинных кафтанах, с потрёпанными котомками за плечами. Все — чуваши, как и он. Люди двигались медленно. В глазах — одна и та же тоска, в походке — усталость долгих поисков. Время от времени кто-то вздыхал, кто-то бормотал что-то себе под нос, но голоса звучали приглушённо, безжизненно. Из обрывков разговоров, долетавших до него словно сквозь туман, Степан понемногу уловил суть. Чувашки с тяжёлыми мешками за плечами ждали прибытия каравана с юга. В их усталых взглядах теплилась одна и та же надежда — получить работу на барже или пароходе.

Степана такая работа не устраивала. Нанимают на лето. Или на один рейс. А это значит — до посева домой не вернуться.

Хоть и время тянулось бесконечно, но небо понемногу тускнело, окрашивая пристань в сумеречные тона — наступал вечер. А вербовщики всё не появлялись.

Люди расходились. Одни, устало переставляя ноги, отправлялись искать ночлег — в ночлежки, под навесы, куда угодно, лишь бы укрыться от надвигающейся прохлады. Другие, не теряя последней надежды, брели к трактирам или постоянным дворам, понимая: сегодня караваны уже не придут.

Степан остался почти в одиночестве. Тишина вокруг становилась всё ощутимее, лишь изредка нарушаемая скрипом досок и далёкими голосами. Холодный ветер пробирался под кафтан, но холод тела был ничто по сравнению с тем, что терзал его изнутри. Голод.

Он сжимал карман, где лежали последние пять копеек. «Оставь на завтра, — твердил он себе. — Завтра снова искать работу. Завтра может повезти». Но желудок сводило судорогой,

голова слегка кружилась, а перед глазами то и дело всплывали образы тёплого хлеба, хрустящей корочки, мякиша, пахнущего печью.

Он пытался отвлечься — смотрел на темнеющую воду, на редкие огни в окнах домов, на тени, растягивающиеся по пристани. Но запах хлеба, доносившийся откуда-то издалека, будто насмеялся над ним, дразнил, ломал волю.

«Всего один ломоть... Всего один, чтобы не упасть».

И голод, наконец, победил. Степан оторвался от бочки, на которой сидел, и медленно, будто против собственной воли, направился туда, откуда шёл этот невыносимо манящий запах — в булочную. Трясущейся рукой Степан достал из кармана последние монеты. Взглянул на них — три тусклых копейки и ещё две, отдельно. Сердце сжалось, но голод не давал думать. Он протянул две копейки продавцу и взял ломоть хлеба. Тот оказался тёплым, чуть подрумяненным по краям. Степан откусил — и на миг закрыл глаза. Хлеб таял во рту, словно мёд, будто каждая крошка несла в себе забытое тепло домашнего очага. Он проглотил кусок, чувствуя, как по телу разливается слабое, но такое драгоценное тепло. Но едва он сделал шаг от прилавка, взгляд снова притянуло к полке. Там, в мягком свете керосиновой лампы, лежали караваи — пышные, с золотистой корочкой, источающие аромат, от которого кружилась голова. Он остановился, машинально перебирая в пальцах оставшиеся три копейки, будто надеялся, что они волшебным образом превратятся в рубль.

Продавец, стоявший за прилавком, внимательно наблюдал.

— Ещё отрезать? — спросил тихо, без насмешки, скорее с той особой, почти незаметной добротой, которая рождается у людей, знающих цену голоду.

Степан вздрогнул, словно его застали за чем-то постыдным.

— Не надо! — выпалил он, опомнившись.

Резко сунул три копейки назад, будто боясь, что рука сама потянется обратно к прилавку.

Вернувшись на своё место между двумя бочками, он опустил на землю, натянул кафтан на голову, словно пытаясь укрыться не только от вечерней прохлады, но и от собственных мыслей.

«Помилуй, Господи... — мысленно взмолился Степан, съевшись между двумя бочками, — я словно бездомная собака, здесь, в грязи и холоде. А если об этом узнают... Если дойдёт до деревни... лишусь последнего уважения общины. А что скажут сват Сантар и кум Максим? Если Николай ещё жив, для них с невесткой это будет страшный позор...» Он втянул голову в плечи, будто пытаясь спрятаться от собственных раздумий. «Каким же образом я докатился до такого? Мог бы избежать разорения, если бы не связался с Миххой?.. Один ли Михха виноват в моих бедах? Был ли я когда-нибудь счастлив?» Память, словно незваный гость, распахнула двери в прошлое.

«Нет, — признал он про себя, — я никогда не был по-настоящему счастлив».

Юность — омрачённая слезами. Безвременная кончина родителей, горькая сиротская доля. Братья постарались: нашли хорошую девушку, женили. Он тогда поверил — вот оно, начало счастливой жизни. Но судьба не дала передышки. Жена родила четверых. Трое отправились на кладбище. Снова слёзы. Снова пустоту в груди нечем заполнить.

«Михха уничтожил меня, — с горькой усмешкой пронеслось в его мыслях. — Ну конечно. Ещё один удар судьбы в длинной цепи несчастий. Уже настолько привычный, что почти не чувствуешь боли».

Мысли потекли дальше, сбивчивые, лихорадочные:

«Почему жизнь такова? Почему один купается в счастье, а другой тонет в горе? Мы ведь все живём под одним небом, ходим по одной земле... Когда же придёт конец этому неравенству?»

В памяти всплыли рассказы сына о добром русском человеке, который говорил о грядущей рабоче-крестьянской справедливости. На миг в душе затеплилась слабая надежда, словно

луч солнца сквозь тучи. Но утешение оказалось мимолетным. Тот самый русский человек, принесший весть о справедливости, сам куда-то исчез.

Внезапно налетел страшный ветер — свистящий, завывающий, будто разъярённый зверь. Он грубо потревожил сон Степана. Не успел тот опомниться, как с небес обрушился ливень.

Вода быстро собиралась у него под ногами, превращаясь в холодные лужи. Струи дождя хлестали по плечам, пронизывая до костей. Зубы Степана застучали от ледяного озноба. А ливень лишь усиливался — казалось, он вознамерился стереть путника с лица земли.

«Не выдержать тут... Нужно найти надёжное убежище», — пронеслось в голове.

Степан поднялся. И словно в ответ на его движение дождь обрушился с новой силой. Он бил со всех сторон, не давая даже приоткрыть глаза, просачивался за воротник, стекал ледяными ручьями по спине и ногам.

В голове мелькнула мысль укрыться в ближайшем сарае, но тут же отступила: а что скажет охрана? Нет, не стоит рисковать.

И тогда он вспомнил — напротив стоит двухэтажный деревянный дом. Не раздумывая больше, Степан бросился туда.

Добравшись до крыльца, он ввалился под навес, обессиленный после целого дня пути. Ноги подкосились, и он опустился на ступеньки. Усталость навалилась всей тяжестью, и вскоре Степан погрузился в сон.

Проснулся он от скрипа открывающейся двери.

— Кого я вижу! Здравствуйте, Василий Ваныч!

Перед ним стояли крючники — те самые, кого он видел вчера на пароме.

— Василий Ваныч, как дела? — весело окликнул один из них. — Сколько уток ты поймал вчера вечером? — и рассмеялся, явно подшучивая.

Крючники разразились хохотом и, продолжая перебрасываться шутками, скрылись за поворотом.

Степан остался один. Молчал долго, пока их смех не растворился в утреннем воздухе. Лишь тогда, с болью, будто ножом резанувшей сердце, он поднялся.

— Господи помилуй, что это за люди? — прошептал он. — Почему человек для них ничего не значит?

Выйдя из укрытия, он направился к берегу Волги. Умыл лицо, вытерся рукавом рубахи, затем медленно повернулся на восток. Сложив руки, прошептал молитву, в которой смешались отчаяние и слабая надежда.

Опять он шёл по улице. На последние три копейки купил кусок хлеба, жевал на ходу, бродя от пристани к пристани. Но всюду его встречали отказом. В памяти всплыл образ русского человека, некогда оказавшего Николаю услугу. «А вдруг он встретится? Вдруг поможет?» — теплилась в душе робкая мысль.

Но вечер неумолимо сгущался, а встречи так и не случилось. Работы тоже. Отчаяние тяжёлым камнем легло на плечи.

«Ехать домой... — думал он, и сердце сжималось. — Денег на билет нет. Что делать, если придёшь домой с пустыми руками? Что невестке сказать?.. Проклятая жизнь! Хоть камень на шею да в омут!»

Впервые после исчезновения сына Степан мысленно упрекнул его:

— Зачем поссорился с Миххой? Чего не хватало? Ведь до этого было всё: и надел в земельной общине, и немного денег... А теперь — ничего...

Размышляя над своим незавидным положением, Степан зашёл на пристань общества «Русь». Он старательно избегал встреч с крючниками, и увидев их здесь, он уже сделал несколько шагов к выходу, как вдруг его остановил зычный крик черноусого мужчины, стоявшего среди крючников.

— Богатыри, слышали?! — проревел тот, возвышаясь над толпой. — Двадцать пять рублей дам тому, кто пронесёт на пароход!

Степан замер, пытаясь осмыслить услышанное. Сперва слова доходили до него словно сквозь туман — смысл ускользал, дробился на обрывки. Но постепенно в голове прояснилось: речь шла о какой-то работе. Нужно было что-то перенести на пароход — и за это обещали плату. Черноусый ловко забрался на деревянный ящик. Его фигура, подсвеченная закатным солнцем, привлекала внимание — широкие плечи, густые усы, энергичные жесты. Он словно играл роль ярмарочного зазывалы, готового в любой момент развернуть перед толпой яркое представление.

— Ну что, герои? — крикнул он, обводя взглядом собравшихся. — Кто готов заработать? Не каждый день такие деньги предлагают!

Возможность заполучить столь крупную сумму зажгла в глазах крючников алчный блеск — словно голодным псам бросили кусок мяса. Ладони непроизвольно зачесались, будто уже сжимали заветные рубли. Но никто не решался сделать первый шаг. Все знали: в том ящике груз нешуточный — целых тридцать пудов.

Черноусый терял терпение. Молчание толпы раздражало его, но он не сдавался. Голос его, и без того зычный, стал ещё пронзительнее:

— Что, чувствуете запах денег? Думаете, я не вижу, как вы хотите воспользоваться моей щедростью, может хотите цену поднять? Ну что ж, не буду жадничать. Даю тридцать рублей!

Эти слова словно взорвали напряжённую тишину. Крючники разом ожили, задвигались, загрохотали голосами. Кто-то, не сдержавшись, выкрикнул:

— Ахмет, слышишь? Тридцать рублей даёт!

Толпа всколыхнулась, заговорила наперебой. Кто-то прикидывал в уме, стоит ли браться за такую ношу, кто-то уже мысленно тратил обещанные деньги. Воздух наполнился возбуждённым гулом — словно пчелиный рой пробудился от зимнего сна.

Ахмет замер, словно в нерешительности, слова будто застряли у него в горле. В голове крутились мысли: да, прежде ему случалось переносить груз весом в двадцать пять пудов — именно тогда о нём и пошла слава по всей пристани. Но тридцать пудов?.. Нет, такой тяжести он ещё не поднимал.

Черноусый, уловив его колебание, тут же вскинул руку и громко воскликнул, обращаясь ко всей толпе:

— Ахмет! Ты что, не слышишь? Все ждут твоего слова! Стоишь, будто воды в рот набрал! Или испугался? Или мало плачу? Не переживай — герой заслуживает награды. Даю сорок рублей! Согласен?

Среди крючников тут же поднялся гул изумления:

— Ой-йой! Сорок рублей! Вот это да!

Тут же со всех сторон посыпались ободряющие возгласы в поддержку черноусого:

— Ахмет, соглашайся!

— На тебя можно положиться!

— Хватит тянуть, решайся!

Льстивые слова товарищей, их настойчивые призывы и немислимая сумма вознаграждения постепенно развеяли последние сомнения Ахмета. Он глубоко вдохнул, расправил плечи и твёрдо произнёс:

— Якши*... Понесу!

Ахмет шагнул в центр собравшейся толпы, расправил плечи, готовясь принять груз. Шестеро крючников, действуя с предельной осторожностью, водрузили длинный ящик на специальную подушку у него на спине.

— Ну как, Ахмет? — спросили они, напряжённо наблюдая за ним.

— Якши*, руки уберите! — коротко бросил он, проверяя равновесие.

— Осторожнее, смотри не оплошай! — откликнулись крючники, не скрывая волнения. Хотя выюк давил на плечи невиданной тяжестью, Ахмет не терял уверенности — сил хватит, он донесёт.

— Барабус*! — весело крикнул он и двинулся вперёд, ступая мелкими, осторожными шагами.

Шестеро крючников по-прежнему держались за оба конца ящика, словно боясь отпустить даже на миг.

Степан схватился за волосы: «Помилуйте, сколько раз он звал, а я стоял, будто чучело. Почему не согласился сразу? Мне бы и двадцати пяти рублей хватило... Какое огромное счастье упустил!»

Ахмет шагал, ни на миг не усомнившись, что донесёт груз до места и получит заветные сорок рублей. В мыслях он уже распределил деньги: пять отдаст товарищам на выпивку, остальное завтра же отправит домой. Там, в деревне, его ждут мать, жена и трое детей. Недавно умерла корова — и дети остались без молока. Теперь-то они купят новую, и у ребятишек снова будет молоко...

Но судьба распорядилась иначе.

Когда Ахмет был на полпути, случилось непоправимое. В том месте, где две доски настила смыкались, одна под его ногой слегка просела, а другая осталась приподнятой. Ахмет, и без того ступавший осторожно из-за натёртой ноги, споткнулся о край доски — и в тот же миг всё пошло прахом.

Ящик вырвался из рук крючников, с оглушительным грохотом рухнул на Ахмета. Послышался жуткий хруст — будто сломалась сухая ветка, — и тихий, придушенный стон.

Когда крючники, опомнившись, сдвинули ящик, перед ними лежал человек, будто лишённый жизни. Ни живой, ни мёртвый...

Несчастье не вызвало у крючников бурного волнения. Они привыкли к подобным сценам — слишком часто видели, как судьба играет с людьми в жестокие игры. Кто-то мысленно отметил: «Может, завтра и меня ожидает такая же участь...»

Немедленно вызвали извозчика. Ахмета бережно уложили на телегу и повезли к доктору. Когда повозка скрылась за поворотом, черноусый лишь сердито махнул рукой.

Илья Никанорович Богданов, бывший крючник, а ныне подрядчик, не испытывал ни жалости, ни возмущения по поводу случившегося с Ахметом. В голове его билась лишь одна досадная мысль: придётся расстаться с деньгами, поставленными на кон в вчерашнем споре.

Накануне в ресторане он побился об заклад с другими подрядчиками на сто рублей, гордо заявляя: «В моей артели есть крючник, который поднимет тридцать пудов!» И вот — поражение. Сто рублей предстояло отдать, а для Богданова это было небывалым ударом: за все годы он ни разу не проигрывал в спорах ни копейки. Тот, кто ещё два года назад сам сгибался под тяжестью грузов рядом с этими крючниками, и сегодня не желал признавать поражение. В нём всё ещё жила упрямая надежда переломить ситуацию.

— Ну, кто согласится нести? Дам пятьдесят рублей! — выкрикнул он, пытаясь зажечь в них азарт.

Сумма была внушительной — она мгновенно приковала взгляды, заставила сердца забиться чаще. Но ни один не решился шагнуть вперёд, ни один не подал голоса. Если даже Ахмет, славившийся силой, не справился — на что могли надеяться остальные?

Богданов всё ещё не хотел сдаваться. В его глазах читалась смесь досады и упрямой надежды.

— Я спорил с другими подрядчиками, считая вас героями! — воскликнул он, и в голосе прозвучала горечь. — Нет, вы не богатыри!

Крючники молчали, опустив головы. Богданов резко махнул рукой и направился к выходу. Но едва он сделал несколько шагов, сзади раздался голос, остановивший его:

— Я понесу!

Все разом обернулись на голос. Перед ними стоял человек в длинном кафтане, на голове — шапка, на ногах — лапти.

— Опять Василь Ваньч! Как живёшь? — бросил один из крючников — тот самый, кто прежде насмешничал над Степаном.

Раньше товарищи наверняка подхватили бы шутку, разразились весёлыми возгласами. Но теперь, когда беда настигла их собрата, а подрядчик бросил им в лицо горькое оскорбление, никто не улыбнулся. Все смотрели на незнакомца с нескрываемым удивлением.

Степан не смутился. Голос его звучал ещё твёрже, решительнее:

— Если дадут пятьдесят рублей, я сейчас же отнесу этот ящик на пароход!

Богданов лишь нахмурился. Слова незнакомца показались ему пустыми, почти нелепыми. В иной раз он, быть может, рассмеялся бы в ответ. Но сейчас ему было не до смеха: сто рублей, поставленные на кон, таяли перед глазами, словно лёд на весеннем солнце. Он махнул рукой — резко, нетерпеливо:

— Давай, иди своей дорогой! Здесь тебе не комедия.

Слова подрядчика лишь подстегнули Степана. Он не отступил, не опустил взгляда. В его глазах светилась упрямая надежда: ему казалось, что в этом ящике — не груз, а само его счастье.

— Помилуйте, я и сам вижу, что здесь нет комедии, — повторил он твёрдо. — Поэтому ещё раз говорю: заплатите пятьдесят рублей — и я сию минуту отнесу этот ящик на пароход!

Он не думал о гордости, не замечал унижения. В душе жила лишь одна мысль: эти деньги могут спасти его хозяйство, вернуть в дом достаток, которого так давно не было.

— Ладно, — произнёс он, чуть понизив голос, — если жалеете пятьдесят рублей, согласен и на сорок.

Его настойчивость заставила Богданова задуматься: «А вдруг... вдруг он и вправду донесёт? Тогда я выиграю сто рублей! Но если не донесёт — повторит судьбу Ахмета... Впрочем, в этом не будет моей вины. Беда сама находит человека. Упрекать себя потом ни к чему...»

Постепенно раздражение в душе Богданова уступило место холодному расчёту. Голос его смягчился, хотя в интонации по-прежнему сквозила настроенность:

— Вот что, человек... Ты в самом деле понимаешь, о чём говоришь? Знаешь ли, сколько пудов весит этот ящик?

— Понимаю, что говорю, — спокойно ответил Степан. — И не важно, сколько пудов в ящике. Знаю одно: если взялся — донесу.

Богданов прищурился, словно пытаясь разглядеть в этом человеке что-то, скрытое за внешней простотой.

— Слушай! — резко бросил он. — Если тебе жизнь опостылела, найди способ уйти из неё и без этого ящика. Камень на шею повяжи да в омут — вот и вся недолга!

— Добрый человек, не переживай за меня, — тихо, но твёрдо ответил Степан. — Жизнь моя не столь дорога, чтобы её беречь пуще золота. Когда придёт смерть — от неё не спрячешься, ни за какой ящик не укроешься.

Богданов помолчал, взвешивая слова. В глазах его мелькнуло что-то похожее на уважение — или, быть может, просто облегчение от возможности снять с себя часть ответственности.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Но запомни: если случится беда — не вини меня. Не я веду тебя на погибель, ты сам выбираешь свой путь. Если донесёшь — получишь пятьдесят рублей. Слово моё твёрдо.

Ситуация мгновенно приковала внимание всех крючников.

— Вот что, Василь Ваньч, — вновь заговорил тот самый крючник, что прежде всё подшучивал да насмехался. Теперь в голосе его звучала забота. — Ступай-ка ты отсюда, пока жив и здоров!

— Не оставляй детей сиротами! — подхватили другие, обступив его плотным кольцом. Степан словно не слышал их. В его сознании с неотступной настойчивостью пульсировала мысль о пятидесяти рублях. Эта сумма казалась ему спасительным кругом — последней возможностью вернуть к жизни разорённое хозяйство. Он стремительно шагнул вперёд, с поразительной лёгкостью подхватил ящик, прижал его к груди и, не теряя ни мгновения, двинулся вперёд.

Среди крючников прокатился изумлённый шёпот:

— Смотрите-ка!

— Что творит Василь Ваньч, а?!

Он не обращал внимания на перешёптывания. Для него сейчас существовал только этот ящик, взгляд его был прикован лишь к лестнице, ведущей на пароход.

Необычная картина — человек в длинном, не приспособленном для городской суеты кафтане, несущий огромный ящик, — привлекла внимание и пассажиров пристани.

— Богатырь! Тридцатипудовый ящик несёт! — бросил на ходу Богданов, наблюдая за удаляющейся фигурой.

Степан шёл, ступая почти бесшумно. Он поднялся на пристань, уверенно вступил на трап парохода и, едва вступив на палубу, громко выкрикнул:

— Эй, куда ящик класть?!

Из толпы пассажиров тут же вынырнул помощник капитана:

— Вон туда! — махнул он рукой в сторону машинного отделения. — Дайте дорогу! Уступите дорогу!

Пассажиры поспешно расступились. Помощник указал на свободное место неподалёку от машин:

— Кладите сюда!

— Богатыри, помогите! — скомандовал Богданов крючникам.

Первым бросился на помощь тот самый крючник, что ещё недавно потешался над ним. Он протянул руки, готовый подхватить груз:

— Давай, помогу...

— Не надо... Я сам! — твёрдо перебил его Степан, крепче прижимая ящик к груди.

Ящик аккуратно опустился на палубу. Степан выпрямился, снял шапку и провёл рукой по лбу, стирая капли пота — не от физической усталости, а от накатившего волнительного напряжения. В голове крутилась одна мысль: «Значит, и моё счастье ещё не потеряно! Получу деньги поскорее — и домой... За пятьдесят рублей можно купить лошадь, семена, муку — хватит до нового урожая. Как обрадуется невестка, когда узнает!»

Богданов шагнул к нему, протянул руку:

— Ты, ей-богу, герой! — произнёс он с неподдельной искренностью. — Как тебя зовут?

— Степан, — коротко ответил тот.

— А я — Илья! Пойдём со мной!

Степан без колебаний последовал за подрядчиком. Богданов подвёл его к буфету и распорядился:

— Налей-ка две стопки водки! И подай на закуску фунт колбасы да булку!

Буфетчик молча выполнил заказ. Богданов поднял рюмку:

— Степа, ты и вправду герой. Держи, выпьем за твоё здоровье!

Они стукнулись рюмками, выпили. Степан с сдержанной жадностью принялся за колбасу и ломтики булочки. Богданов налил ещё:

— Ну, ещё по одной!

Выпив, Степан вдруг смутился: «Эй, человек угостил меня, а я наглею. Так нельзя...»

— Илья, я твою рюмку уже выпил... Теперь моя очередь.

— Нет, Степан! На твои выпьем потом! Сейчас я угощаю! — твёрдо отрезал Богданов.
— Буфетчик, налей ещё одну стопку!

После третьей рюмки Богданов достал пятьдесят рублей и протянул Степану. В тот же миг в голове его промелькнула тревожная мысль: «Что же я наделал?.. Спорил же на то, что мой работник ящик дотащит. Как скрыть теперь, что нёс посторонний? Узнают — с меня сотню снимут. Чтобы не упустить спорные деньги, этого героя надо срочно в артель принимать...»

Он взглянул на Степана:

— Оставайся! У меня такие богатыри, как ты, могут хорошо подзаработать!

Степан задумался. Он не собирался задерживаться здесь надолго, но... почему бы не поработать недельку-другую? Почему бы не заработать на корову? До пахоты ещё день-два, а если купить лошадь и корову, можно будет вернуть прежний достаток.

Молчание Степана начало тревожить Богданова.

— Чего молчишь?

— Кто же от денег откажется? — отозвался Степан, словно очнувшись от раздумий.

— Значит, согласен?

— Согласен... Но... Мне надо вернуться в деревню к севу.

Ответ не устроил Богданова. Ему не нужен был работник на пару недель. Но он решил не упорствовать — пусть возьмёт деньги, которые Богданов поставил на кон. А дальше... посмотрим.

— Ладно, Степан, дальше видно будет! Думаю, поработаешь немного, почувствуешь вкус — и назад не захочешь. А теперь ступай в общежитие!

Вскоре они подошли к ожидавшим крючникам.

— Богатыри, Степан остаётся работать в нашей артели! — объявил Богданов.

Крючники разом оживились, схватили Степана на руки и с радостными возгласами принялись подбрасывать вверх. Он едва верил своим глазам. Всё происходящее казалось сном. Ещё вчера эти люди посмеивались над ним, а сегодня — искренне радуются, принимая в свой круг.

— Братцы, спасибо! — произнёс он с тёплой благодарностью в голосе, когда мужики опустили его на землю. Те выжидающе молчали. Степан вдруг понял: в таких случаях одних слов мало. Нужно отблагодарить делом — выставить выпивку. Но сколько дать? Рубль? Два? На эти деньги разве что четверть вина возьмёшь, а народу много... Чтобы всем хватило, нужно не меньше ведра. Нет, чувашей никто не назовет скупыми. Деньги ещё можно заработать.

Он достал из кармана десятирублёвую купюру и мягко произнёс:

— Угощаю.

— Вот это по-нашему! — раздалась одобрительные возгласы.

Они покинули пристань. Теперь каждый стремился идти рядом со Степаном, завести разговор, по-дружески похлопать по плечу. Он отвечал всем с добродушной улыбкой, неспешно, ласково.

По пути зашли в кабак, взяли пять четвертей водки.

Уже стемнело, когда вся компания ввалилась в общежитие. Вдоль бревенчатых стен стояли кровати, закиданные подушками, папахами, пиджаками и домоткаными одеялами. В центре помещения располагались длинные дощатые столы и узкие скамьи.

Навстречу вышла русская женщина лет тридцати. На первый взгляд — обычная, ничем не выделяющаяся. Но среди грубоватых мужчин она казалась особенно хрупкой. Лишь морщины под глазами и пробивающаяся седина напоминали о пережитых испытаниях, следы которых ещё не стёрлись из её души.

Это была Матрёна. Её муж когда-то сам был подрядчиком этой артели. Два года назад случилась беда: тяжёлая бочка выпала из трюма и упала на мужа, стоявшего внизу. Не успели

высохнуть слёзы по нему, как пришла новая беда — единственная дочь скончалась от воспаления лёгких.

Всю зиму Матрёна словно горела на медленном огне. А когда с весной работники артели начали выходить на промысел, она обратилась к Богданову с просьбой взять её хотя бы кухаркой. Он согласился.

Оставив дом, огород и скот сестре, Матрёна уехала в Казань. Вот уже второй год она трудилась в артели. Среди шумного братства крючников она будто сумела ненадолго забыть о своих утратах.

— Матрёна Игнатъевна, накорми нас ужином! — громко произнёс Богданов, переступив порог общежития.

— А это что такое? — спросила Матрёна, кивнув на бутылки с водкой, которые крючники внесли следом.

— Степан нас угощает, Матрёна Игнатъевна! — весело откликнулся Богданов. — Знакомься — мой новый крючник. Богатырь из богатырей!

Матрёна едва сдержала улыбку: человек в длинном кафтане выглядел непривычно среди грубоватых крючников. Но в глазах Богданова читалась такая искренняя гордость, что она невольно задумалась: «Вероятно, Илья Никанорович не просто так хвалит его. Уж не затеял ли очередную шутку?» Ей стало немного жаль Степана — казалось, он попал в хитроумную сеть подрядчика, сам того не осознавая. Но вслух она лишь заметила:

— Человек, видать, не из бедных. Не пожалел денег на вино!

— Да, Матрёна Игнатъевна! — с восторгом подтвердил Богданов. — Он и храбр, и щедр. В мгновение ока пятьдесят рублей заработал! Вот такой ящик, — он широко развёл руки, показывая размеры, — схватил и мигом на пароход отнёс!

— Неужто?! — удивилась Матрёна.

— Илюша правду говорит, Матрёна Игнатъевна!

— Степан — настоящий богатырь! — дружно подхватили крючники.

И вдруг перед Матрёной предстал уже не тот неловкий человек в старомодном кафтане, а мужественный, решительный мужчина. В его взгляде читалась сила, которой она давно не видела в глазах мужчин. На мгновение её сердце согрело незнакомое чувство — тёплое, живое, словно отголосок далёкого счастья, утраченного со смертью мужа.

Степан же оставался погружённым в свои мысли. Он не замечал ни завистливых взглядов, ни шумных похвал Богданова и крючников. Эта работа была для него внове, и он ещё не понимал, куда заведёт его сегодняшний день.

— Да, Матрёна Игнатъевна, с завтрашнего дня готовь обед и для Степы! Посади его на место Ахмета, — распорядился Богданов.

— Где же он? — спохватилась Матрёна, только сейчас заметив отсутствие Ахмета.

— Его к доктору отвезли, — тихо ответил Богданов.

— Что случилось?

— Беда... Нечаянно упал, ногу повредил, — соврал Богданов. Увидев сомнение в глазах Матрёны, поспешил добавить: — Не переживай, Матрёна Игнатъевна. Скоро вернётся. А пока пусть Степан его место займёт.

Матрёна знала: когда кого-то из крючников увозили в больницу, редко кто возвращался обратно в артель. Но она искренне переживала за каждого, считая этих грубоватых мужчин своей большой семьёй. И теперь слёзы сами навернулись на глаза.

Её печаль тронула и крючников. За ужином они вдруг вспомнили, что ещё недавно за этим столом сидел Ахмет. Каждого из них впереди ждали такие же опасности. И поэтому, пока живы, здоровы, пока рядом товарищи, они решили не предаваться унынию, а радоваться жизни.

Поняв их настроение, Матрёна вытерла слёзы краем платка и обратилась к Степану:

— Не знаю, как по отчеству тебя величать...

— Степан Иванович, — ответил он.

— Степан Иванович, садись сюда! — указала она на свободное место.

Остальные крючники тоже расселись за столом.

— Костя, наливай! — скомандовал Богданов.

Степан, увидев перед собой кусок пирога, почувствовал, как голод заглушает все прочие мысли. Не дожидаясь остальных, он схватил еду и начал есть.

— Степа, за твоё здоровье! — весело кричали крючники, стуча стаканами.

Разговор становился всё громче. Кто-то хвастался силой, кто-то вспоминал былые подвиги. Степан, уже слегка захмелев, сидел, забыв обо всём, и смотрел на этих людей, бурлящих, как великая русская река. Он не всегда понимал, о чём они говорят, но ему нравилась их дружба, их шумное братство. Вдруг Костя затянул:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

Остальные крючники подхватили песню мощными, гулкими голосами. Стены дома дрожали от их пения.

Выплывают расписные
Стеньки Разина челны...

Сердце Степана забилось чаще. Песня напомнила ему рассказы Николая о богатырях, о борьбе за справедливость. Он попытался подпевать, но быстро замолчал, чувствуя, что не попадает в лад. Богданов внезапно прервал пение. В его глазах вспыхнули хитрые огоньки. Он поднялся, слегка покачиваясь, подошёл к Степану и положил руку ему на плечо.

— Степа, — произнёс он тише, — хочешь ещё подзаработать?

Слова подрядчика показались ему смешными:

— Есть ли на свете безумец, что пренебрежет деньгами?

— Верно, Степа, такого человека не сыщешь, — подхватил он, чуть наклонившись вперёд. — Только у монет — короткий хвост. Не всякий сумеет так, как ты сегодня, ухватиться за него. А ты ещё больше заработаешь, если послушаешься моего слова да моих распоряжений.

Песня оборвалась. Крючники разом умолкли, настороженно переглянулись, прислушиваясь к словам подрядчика.

— Костя! Емелька! Филька!.. — Богданов начал называть имена — одно за другим, перечисляя дюжину самых отчаянных крючников, тех, кто никогда не отступал перед дерзким делом. — Богатыри, пойдёте со мной! Остальные — пейте, ешьте, веселитесь! Мы ненадолго. Сейчас вернёмся!

Никто из двенадцати не спросил, куда их ведут. И без слов было ясно: впереди — не простая работенка, а бой. Бой не с волнами и не с ветром, а с людьми. Но в глазах каждого вспыхнул азарт: они знали — если выстоять, хозяин щедро одарит победителей.

Не тратя времени на расспросы, они молча поднялись, натянули перчатки, поправили кафтаны. Дверь скрипнула, пропуская дюжину фигур в сумрак ночи.

Глава 3

Скрип колёс и дробный стук металлических шин разорвали тишину мощеной дороги. Четыре «барабуса» — извозничьи повозки, громыхая, неслись вперёд. В трёх из них, тесно прижавшись друг к другу, сидели двенадцать крючников — молчаливые, настороженные, словно стая птиц, сорвавшаяся с насиженного места. Впереди, в первой повозке, гордо восседал Богданов. Вскоре улицы сомкнулись вокруг них, словно каменные стены лабиринта. Повозки замедлили ход, и вот — перед ними возникло высокое здание с круглой крышей, похожей на исполинский купол, укрывающий неведомые чудеса.

— Стой! — голос Богданова, резкий и властный, прорезал гул городской суеты.

Лошади всхрапнули, извозчики натянули поводья, и повозки замерли. Богданов спрыгнул на землю, отряхивая полы кафтана, и обернулся к крючникам:

— Богатыри, ждите меня здесь!

И скрылся за массивной дверью парадного входа.

Крючники переглянулись. В их глазах читалось недоумение, смешанное с лёгкой тревогой. «Что мы тут делаем?» — мысленно вопрошали они, но вслух никто не решился произнести ни слова. Время тянулось. Наконец Богданов вернулся. В руках он держал стопку билетов, от весёлой улыбки лучилось всё его лицо, начиная от морщинок в уголках глаз.

— Илюш, что ты задумал? — не выдержал один из крючников, шагнув вперёд.

Богданов рассмеялся:

— Храбрецы мои, терпение! Не тратьте зря сил на переживания! Пойдемте, пока посмотрим выступление!

Он раздал билеты, каждому — по одному. Потом, взглянув на Степана, добавил:

— А твой билет у меня. Сядем рядом.

Когда группа ступила под купол, зал уже наполнялся зрителями. Появление крючников вызвало волну перешёптываний и смешков. Их кафтаны и лапти резко контрастировали с нарядами городской публики. Кто-то не сдержался и воскликнул:

— Что это за люди!

— Вырядились, как чучела! — откликнулся другой голос.

В проходе, неловко умекаясь между рядами, двигался Костя. Его походка — тяжёлая, привычная к грузу и неровной земле — здесь, в этом хрупком мире шёлковых занавесей и блестящих медных труб, казалась неуместной. Он шёл, словно корабль в узком фарватере. Нечаянно нога его скользнула по туфле дамы в сиреневом платье. Та вскрикнула, будто её ужалила оса.

Костя обернулся, пробормотал что-то невнятное, попытался обойти — и снова наступил. На этот раз на каблук пожилой женщины с веером. Веер дрогнул в ее руке:

— Наглец! — голос резанул, как хлыст. — Бесстыдник!

— Не умеешь себя вести — не приходи в цирк! — подхватила другая, с металлическими нотками в интонации.

Костя выпрямился.

— А вы что, научились себя вести в цирке, поэтому сидите, вытянув ноги? — бросил он и, не дожидаясь ответа, опустился на своё место.

Богданов, до сих пор уже бывавший в цирке, сопровождал Степана. Только они сели на свои места, как худосочная, богато одетая женщина, сияющая жемчужными серьгами, взвизгнула:

— Билетёрша! Вы что? Смеетесь надо мной? Посадили этого лапотника рядом со мной!

— Сударыня, — с привычной вежливостью отозвалась билетёрша, — пожалуйста, успокойтесь. У него билет на это место.

Степан чувствовал, что женщина презирает его. Он знал, как барыни относятся к беднякам. В другой раз он бы промолчал. Но не зря говорится, что для пьяного человека море по колено.

— Эка... Негодная баба! Чего кричишь? Или тебя кто-нибудь ушибнул? Или меня испугалась? Не бойся, не съем. Ещё кость поперёк горла встанет! — и Степан вальяжно развалился в кресле.

Слова Степана вызвали у Богданова неописуемый восторг. Но опасность того, что их погонят с места, удержала его от хохота. Кто потерпит чуваша в лаптях среди богачей?

Вон билетёрша уже собралась звать директора.

— Уважаемая, погодите! Сейчас всё уладим! — остановил он билетершу и подошёл к богачке. — Сударыня... вы зря шум подняли. Рядом с вами сидит не кто-то, а купец первой гильдии народов Востока, миллионер Тюрек Мамед Оглы. Постарайтесь вести себя благожелательно и скромно. Иначе придется нам на Вас жаловаться.

При слове «миллионер», шум, поднявшийся вокруг Степана, молниеносно стих. Каждый думал: «Всё может быть. Мало ли среди наглых и небрежно одетых людей баснословно богатых! Скорее всего это один из них? Как не поверить его верному человеку, ведь тот хорошо одет и ведет себя прилично». Десятки глаз вонзились в Степана, как бы желая разглядеть всё его богатство.

Особенно разволновалась худая женщина: «Что я наделала?.. Оскорбила человека, не подозревая, что он так богат. Если бы я обратилась к нему вежливо, то можно было бы пригласить его к себе в гости. Такие люди не жалеют денег на удовлетворение своих желаний. Может, все еще удастся?»

Она резко перешла на льстивый тон:

— Сударь, прошу прощения... Как, извините...

— Тюрек Мамед Оглы, — напомнил Богданов.

— Я... совсем не хотела обидеть господина Тюрёка Мамеда Оглы.

Богданов еле удержал улыбку, которая уже тронула уголки его губ. Усилием воли он попытался загнать её внутрь, но она вырвалась наружу, заиграв искорками в глазах:

— Сударыня... Вы напрасно беспокоитесь. Мы были во многих странах. Встречались со многими людьми: богатыми и бедными, дураками и мудрыми, щедрыми и скупыми. И научились находить компромисс в любой ситуации.

Глаза тощей женщины радостно блеснули. Теперь ей удалось выяснить, кто они на самом деле.

Но началось представление, и ей пришлось прерваться.

На арене творились странности, которые полностью захватили Степана. На улице бушевал ветер и стоял поздний вечер. Здесь же было светло, как днем. «Откуда взялся этот свет? Неужели от этих маленьких фонариков?» Привыкнув к этому свету, Степан стал наблюдать за зрителями. Неподалеку от него, в первом и втором рядах, сидели богато одетые женщины. Рядом с ними представительные мужчины: кто в сюртуках, кто в мундирах с эполетами. «Господи помилуй, куда я попал?»

На арену выбежал человек, одетый как Петрушка, каких обычно показывали на ярмарках. За ним прибежал другой, и они начали о чем-то спорить. Вскоре один из них замахнулся на другого. Первый успел отпрыгнуть, а второй растянулся на полу. Зрители засмеялись. Выступали и выступали все новые и новые исполнители. Зрители шумели и аплодировали. Степан, у которого поначалу кружилась голова, потихоньку начал трезветь. «Господи... Разве Илья привел нас сюда для развлечения? Как я смогу здесь заработать?» — тревожно думал он.

Во время антракта Богданов повел своих богатырей в буфет. Не жалея денег, напоил их вином. Вскоре вновь разгоряченные крючники вернулись в зал и заняли свои места.

Женщина, сидящая рядом, начала было что—то говорить ему, но на арене заиграл оркестр.

Степан смотрел и удивлялся. Особенно поразили его львы. Вздогнул, увидев, как в клетке с железной решеткой ревут львы. И затрепетал за судьбу вошедшего в клетку человека. Через некоторое время он убедился, что львы не могут выйти сквозь прочные прутья и что с человеком внутри клетки ничего не случится.

После львов на арену вышли двенадцать силачей. По залу прокатилась волна оваций. Особенно рьяно аплодировали женщины. Соседка Степана тоже захлопала в ладоши. Двенадцать борцов под музыку обошли арену и встали в один ряд. Спустя какое—то время на арену выбежал человек в черной маске, приложил руку к груди и поклонился зрителям. Внешне он ничем не отличался от других борцов. Однако в цирке поднялся шум, и даже задремавший Степан открыл глаза и увидел, что на арене стоят полуобнаженные мужчины. Их тела, перебитые тугими узлами мышц, казались отлитыми из бронзы. Степан, с детства приученный к сдержанности и стыдливой скромности, почувствовал, как внутри поднимается волна неловкости. «Как они смеют так обнажаться перед людьми? — пронеслось у него в голове. — Особенно перед девушками, перед женщинами...» Он стиснул кулаки, пытаясь совладать с собой, но тщетно. Шум вокруг только усиливался: женщины в зале хлопали, смеялись, перекликались — их радость казалась Степану вызывающей, почти непристойной. Кто-то восторженно вскрикивал, подбадривая артистов, и каждый такой возглас будто ударял его по нервам. Степан ссутулился, стараясь стать как можно меньше, отгородиться от этого веселья, которое было ему чуждо.

«Эй, э... — прошептал он, качая головой. — Что это за женщины... Совсем стыда не осталось».

Между тем на арене шло представление — тот самый трюк, ради которого публика и набивалась в цирк битком. Хозяин приберегал этот номер для тяжёлых времён, когда деньги были на исходе. И каждый раз зал заполнялся до отказа, а зрители, затаив дыхание, ждали главного — момента, когда «Чёрная маска» будет повержена и лицо, скрывающееся за ней, наконец откроется взорам.

Наконец хозяин цирка вышел на арену.

— Господа! — улыбаясь, начал он. — Перед вами «Черная маска» — борец, который победил борцов Казани, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, многих других городов Священной России. Мы так же, как и вы, не знаем, откуда и кто он. Нам известно только одно: он сделает ваш вечер незабываемым. Он готов побороться с героем, который найдется среди зрителей. Условия борьбы всем известны. Об этом писали в афишах. Итак, господа, кто хочет побороться с «Черной маской», приглашаем его выйти на арену...

В цирке воцарилась тишина. Все ждали того, кто решится сразиться с «Черной маской». Никому ещё не удавалось победить в этом поединке. В прошлом месяце один из зрителей вышел на арену. «Черная маска» сразу же уложил его на обе лопатки.

Богданов вспомнил, что читал в афише о приезде «Черной маски» и решил, что Степан обязательно должен сразиться с непобедимым борцом. Остальных двенадцать крючников он взял с собой на тот случай, если вдруг начнется драка.

Когда хозяин цирка повторил призыв, Богданов толкнул локтем Степана.

— Слышишь? Ты беспокоился, что не можешь денег найти. Только—то и надо — этого святого одолеть. Тогда у тебя в кармане будет еще сто рублей. Понимаешь? Сто рублей!

Степан сразу представил, что можно купить на эти деньги: «Если я к сорока рублям, лежащим в кармане, прибавлю ещё сто, этого будет достаточно, чтобы купить лошадь и корову, построить белый дом. О, господи... Спасибо, что не бросил меня... После стольких страданий ты наконец дал мне много денег!»

Пусть он никогда раньше не участвовал в подобных поединках. Для него это не имело значения. Кровь, подогретая вином, победоносно бежала по венам.

Богданов продолжал нашептывать:

— Хочешь денег, соглашайся немедленно. Иначе без ничего останешься!

— Согласен! — ответил Степан.

— Я в тебе не ошибся. Ты и вправду герой! — похвалил его Богданов и поднялся со своего места.

— Господа! Есть герой, готовый сразиться с «Черной маской»!

Сотни глаз, десятки биноклей смотрели на Богданова. Все пытались понять, кто он такой. Два господина, сидевшие напротив, начали делать ставки.

— Он похож на человека, который сможет побороться!

— Да ты что! Прежде, чем я успею перевести дыхание, он уже будет лежать, подняв ноги вверх!

— Спорим?

На этом переговоры двух господ закончились. Первый, хоть ему и понравился Богданов, не стал спорить в его пользу.

Хозяин цирка посмотрел на Богданова.

— Вы хотите бороться с «Черной маской»?

— Нет, не я — мой друг! — Богданов указал на Степана.

Степан поднялся со стула и последовал за Богдановым на арену.

— Этот человек хочет бороться с «Черной маской»?

— Нет, сударь, он хочет положить «Черную маску» на обе лопатки! — усмехнулся Богданов.

— Правда? — пошутил под хохот зрителей хозяин цирка. — Так что ж, расскажите, с кем он до сих пор боролся и кого побеждал?

— Мой друг — славный герой по имени Тюрек Мурек Оглы, — сказал Богданов, забыв что, поначалу назвал его иначе. — Родился он на Востоке. Нет такой страны, где бы он не был. Нет такого борца, с которым он не справился. Ваша «Черная маска» навеки проклянёт этот день.

«Черная маска» поманил владельца цирка, что—то прошептал ему. Тогда хозяин цирка кивнул и повернулся к зрителям.

— Дорогие господа! Приятно, что наконец нашёлся смельчак, готовый сразиться с «Чёрной маской». Но «Чёрная маска» не желает марать своё славное имя, сражаясь с Хали-Мали Оглы, и потому великодушно даёт тому двадцать копеек на похмелье!

Шутливый тон хозяина цирка вызвал взрыв хохота среди зрителей. Но нашлись и несогласные:

— «Чёрная маска» должна бороться!

— Уважаемые господа, — всё так же весело ответил хозяин цирка, — сами понимаете... насчёт нашего славного Оглы... Прошу прощения, никого не хотел обидеть, но разве можно всерьёз считать его соперником? Вы же видите — он больше похож на огородное пугало, чем на борца!

— Точно, на чучело! — подхватил кто-то из толпы, и смех стал ещё громче.

Богданов оглянулся и успел заметить: выкрикнула тощая женщина, сидевшая рядом со Степаном. Только он хотел ответить ей, но хозяин цирка перебил его, поклонившись тощей женщине и повернувшись к зрителям:

— Господа, сколько времени, по—вашему, надо знаменитому борцу, чтобы положить этого человека на две лопатки? А если от сильного удара у Оглы душа вылетит? За него придется отвечать перед Богом. Дети сиротами останутся...

Богданов, выдав Степана за могучего богатыря и наградив его смешным именем, невольно подал директору цирка блестящую идею. Зал уже хохотал — так почему бы не раздуть эту шутку? В конце концов, это же цирк: чем веселее, тем лучше!

Смех, обрушившийся на Степана, показался Богданову обидным. Желание дать отпор насмешникам крепло с каждым мгновением. И тут он вспомнил: в кармане деньги, полученные утром в конторе для расчёта с крючниками. Пальцы невольно сжались, ощутив шуршание купюр.

— Уважаемые судари! Уважаемые сударыни! — выкрикнул он, обводя зал взглядом. — Вы слышали? Этот циркач без всякой причины позорит моего отважного Оглы! По чести, его следовало бы вызвать на смертельный бой. Но дети его ни в чём не виноваты. Не можем мы их сиротами оставить. Однако и спускать такое нельзя! Пусть все знают: циркач в «Чёрной маске», который не решается схватиться с моим храбрым другом, — не кто иной, как трус! И ведёт он себя, словно пьяная овца в трактире!

Слова Богданова произвели впечатление на зрителей и разделили их взгляды:

— «Черная маска» — трус!

— Оглы — молодец!

— Так и надо их! Чтoб не смеялись над почтенными людьми!

Среди сторонников «Черной маски» громче всех кричала тощая женщина:

— Лохмотья—лапти! Вам не место среди уважаемых людей!

Шум немного успокоился, и Богданов продолжил:

— Господа! Терпение и ещё раз терпение! Мы сейчас узнаем — трус «Черная маска» или нет. Я ставлю пятьсот рублей на моего друга, славного богатыря. Кто поставит пятьсот рублей на то, что «Черная маска» — не трус, а хозяин цирка — не обманщик? Сто рублей, которые хозяин цирка обещал, что достанутся победителю.

Богданов тотчас же вытащил и помахал пятисотенной купюрой.

— Вот мои деньги! Пусть хозяин цирка или «Черная маска» поставят пятьсот рублей, тогда мы согласимся бороться.

Теперь и сторонники, и противники загорелись желанием увидеть, что будет дальше.

— Делайте ставку! Эти оборванцы никогда не победят! Научите их, как вести себя среди приличной публики? — завизжала тощая женщина.

Богданов вошел в азарт.

— Сударыня, я вижу вас насквозь! Вы мошенница!

Женщина отшатнулась, словно от удара, и скорчилась, будто её бросили в костёр.

— Как вы смеете?!

— Сударыня, вы уговариваете людей пустить деньги на ветер. Ведь у «Черной маски» нет ни малейшего шанса победить!

— У «Черной маски» нет ни малейшего шанса?! — с трудом переводя дух от гнева, выкрикнула она. — «Черная маска» победит и вытряхнет душу из вашей тряпки!

— Сударыня, — произнёс Богданов с холодной усмешкой, — тот, кто верит пустому слову, рискует прослыть простаком. Слово имеет силу лишь тогда, когда за ним следует действие. Я предлагаю и вам подтвердить свои слова деньгами!

— Сделать ставку?! — женщина явно не была готова к такому.

В зале повисла тишина. Сотни глаз, десятки биноклей впились в неё. Кто-то затаил дыхание, кто-то перешёптывался, кто-то откровенно ухмылялся. Женщина почувствовала, как кровь отхлынула от лица. «Опозориться перед всем городом? — пронеслось в голове. — Нет, только не это. Среди этой толпы обязательно найдутся знакомые. . .» Она подняла голову, встретила взглядом с парой насмешливых глаз и внутренне собралась. «Нельзя отступать. Единственный выход — поднять ставку. У них ни гроша, кроме, может, этих пятисот рублей. Пусть сами себя выставят на посмешище!»

Богданов, полагая, что женщина вот-вот отступит, собрался поставить точку в этом споре:

— Итак, уважаемая сударыня, вы отказываетесь.

— Нет, вы ошибаетесь, — твёрдо возразила женщина, и в голосе её прозвучала неожиданная уверенность. — Я принимаю ваше предложение. Но ставлю не пятьсот, а тысячу рублей!

Зал откликнулся бурными аплодисментами. Сердце Богданова на мгновение замерло, а затем забилось чаще. «Почему я так уверен в победе Степана? — подумал он с тревогой. — Если „Чёрная маска“ окажется сильнее, я потеряю доверенные мне деньги...» Он не ожидал, что цена спора поднимется так высоко. Отступать было невыносимо: сотни глаз следили за ним, зрители аплодировали, поддерживая женщину. «Что ж, будь что будет», — решил он.

— Принимаю ставку в тысячу рублей! — произнёс Богданов громко и отчётливо.

Аплодисменты зазвучали с новой силой. Он вынул из кармана пятьсот рублей, положил их на барьер и, глядя прямо в глаза женщине, произнёс:

— Вот мои деньги. Сударыня, прошу вас подтвердить вашу ставку!

Женщина стремительно выскочила на арену.

— Я не на рынок шла, — резко бросила она, — потому и не взяла с собой столько денег. Но здесь, — она обвела рукой свои украшения, — золота и камней больше чем на тысячу рублей! Ставлю свои драгоценности на победу «Чёрной маски»!

Она быстро сняла с пальцев три перстня, с запястья — два браслета, вынула из ушей сверкающие серьги и решительно положила их рядом с купюрой Богданова.

Богданов невольно сглотнул. Ему хотелось оценить, сколько на самом деле стоят эти украшения, но он побоялся, что его сочтут наглецом.

В это время тучный господин на первом ряду, всё ещё уверенный, что перед ним цирковое представление, громко рассмеялся и обернулся к жене:

— Кому ты аплодируешь?

— Как кому? — искренне удивилась та. — Не видишь, какая добрая женщина! И ценных вещей не пожалела!

— И ты веришь?

— Не понимаю тебя.

— Милая, здесь нет ничего непонятного, — терпеливо объяснял муж. — Вон тот в длинном кафтане, и этот черноусый, да и женщина, что тебе понравилась, — все они цирковые артисты. Деньги у них идут из одного кармана. Золото и драгоценности — сплошные подделки...

— Нет, друг мой, ты ошибаешься, — вмешался другой господин, хитро прищурившись. — Сейчас я разоблачу цирковой трюк у тебя на глазах и выиграю тысячу рублей! Смотрите: эта женщина уверена, что хозяин цирка ни за что не позволит кому-то победить «Чёрную маску» и открыть его лицо. Потому и вышла на арену — надеется выиграть наверняка, поставив на «Чёрную маску»!

Он встал и громко объявил:

— Господа, я тоже ставлю тысячу рублей на «Чёрную маску»! Если Оглы и вправду батыр, пусть выложит ещё тысячу!

Душа Богданова ушла в пятки. «Две тысячи пятьсот рублей... Если проиграем — пропала моя голова! Надо срочно забирать деньги и уходить!» Но бурные аплодисменты в адрес пузатого господина и собственное упрямство остановили его. Он отыскал глазами своих крючкотворов среди зрителей и вздохнул с облегчением: те явно были готовы заступиться. «Одолеет Степан „Чёрную маску“ или нет — деньги им не достанутся», — твёрдо решил он.

Господин, сделавший ставку, насмешливо уставился на Богданова:

— Сударь, вы уверяли всех, что «Чёрная маска» — трус. Неужто сами испугались?

— Нет! — Богданов взял себя в руки. — Я просто пожалел вас. Говорите, чтобы я поставил ещё тысячу? Что ж, с радостью!

Он решительно вытащил из кармана ещё тысячу рублей:

— Теперь слово за «Черной маской».

Хозяин цирка был доволен, что на арене творятся забавные события. Его не смутило и то, что зрители восприняли эти действия как цирковой трюк. Но черноусый немного встревожил его. Выкладывать такую сумму там, где нет никаких шансов на победу, может или глупец, или по-настоящему богатый человек. Хозяин прекрасно понимал, что отступить нельзя. Вон как бурно аплодируют зрители, отдавая дань уважения безумцам!

«Черную маску» радовал тот факт, что в цирке поднялся такой ажиотаж. Без сомнения, он выиграет деньги, победив человека в длинном кафтане. Об этом напишут в местной газете, вознося его славу до небес. Он подозвал хозяина цирка, и что—то шепнул тому на ухо. После этого тот обратился к зрителям:

— Господа! «Черная маска» искренне благодарит вас за веру в него. Не сомневайтесь, этот Оглы будет лежать лаптями кверху, прежде чем успеете перевести дыхание!

Поскольку все думы Степана были о том, как выиграть сто рублей, он не мог толком понять, о чем ведутся оживленные разговоры и на что зрители так бурно реагируют. В итоге человек, призванный объяснить ему условия поединка, прервал его мысли. Сперва ему велели снять кафтан, рубаху и лапти. Он согласился снять только кафтан и шапку. Это еще больше подняло настроение «Черной маски»: «Зрители будут смеяться еще громче, когда лапти взлетят вверх».

— Господа, погодите! Что—то я не видел, чтобы циркачи поставили деньги? — вспомнил Богданов перед началом поединка.

— Не беспокойтесь об этом. Всё равно не видать вам денег, как своих ушей. Так что не стоит тратить время на то, чтобы ходить за ними! — отвечал хозяин цирка.

— Верно, сударь! Спорные деньги, и правда, в ваши руки не попадут. Поэтому — выкладывайте! — настаивал Богданов.

Тогда хозяин цирка недовольно вытащил шестьсот рублей и добавил в общую кучу.

— Мы готовы!

Напористая речь черноусого немного подпортила настроение «Чёрной маски». Не давая противнику опомниться, он стремительно протянул руку Степану. Тот ответил на традиционный жест перед схваткой. Но в тот же миг «Чёрная маска» резко сжал его ладонь, проворно развернулся и положил руку на своё плечо — приём был отработан годами. Оставался лишь бросок... Зал замер. Кто-то ахнул, кто-то затаил дыхание. Но Степан, уловив хитрость, подогнул ноги и всем весом повис на спине противника. «Чёрная маска» зашатался, попытался сбросить его — напрасно. В следующий миг Степан свободной рукой схватил его за бедро железной хваткой и с неожиданной лёгкостью поднял в воздух. Циркач ощутил, как земля уходит из-под ног. Он отпустил руку Степана и в отчаянной попытке избежать позора ударил его ногами в живот. Толпа ахнула. Но Степан устоял, крепко удерживая противника. Тот забился в его руках, как заяц, попавшийся в капкан.

— Экей... Из моих рук всё равно не вырвешься, — громко и весело произнёс Степан. — Сдавайся добровольно, и пусть борьба закончится!

По залу прокатился гул: кто-то аплодировал, кто-то перешёптывался, поражённый силой Степана.

Пузатый господин, стоявший на арене, похоже забыв, что может проиграть тысячу рублей, если победит человек в длинном кафтане, хлопал в ладоши громче всех.

«Черная маска» не слышал ни смеха зрителей, ни шума бурных аплодисментов. Перед ним предстала опасность того, что этот человек в длинном кафтане, и правда его одолеет. Как только тот победит и снимет с него маску, зрители мгновенно узнают в нём одного из борцов

цирка. Тогда он подведет не только себя, но и всех циркачей. Особенно — хозяина цирка. Извернувшись, как кошка, он изо всей силы ткнул лбом в переносицу Степана. У того в глазах потемнело и руки опустились. «Черная маска», не давая противнику опомниться, схватил за его бока и поднял в воздух. Степан не сопротивлялся. Сторонники «Черной маски» захлопали в ладоши. И тощая женщина ожила и закричала:

— Браво! Браво!

Когда Богданов увидел, что «Чёрная маска» держит обмякшего Степана на руках, в груди его что-то оборвалось.

— Степан, что с тобой?! — вскрикнул он.

Зал замер. Кто-то ахнул, кто-то затаил дыхание. Для Степана голос Богданова звучал где-то далеко, словно из другого мира. «Чёрная маска», не теряя времени, бросил его на пол, как безжизненную куклу, и попытался перевернуть на спину — ещё мгновение, и победа была бы за ним.

Но Степан, очнувшись от удара, вспомнил, как противник оглушил его, но остался лежать лицом вниз, изображая беспомощность. «Чёрная маска» потянул его за руку. В тот же миг Степан с неожиданной силой схватил его за запястье. Противник дёрнулся, пытаясь освободиться, но хватка Степана становилась всё крепче.

Богданов, увидев это, облегчённо вздохнул и громко крикнул на весь зал:

— Степан, давай! Покажи им!

Степан стремительно вскочил, по-прежнему удерживая «Чёрную маску» на спине. Противник обрадовался: он решил, что сейчас его бросят через голову и появится шанс вырваться. Но Степан, действуя быстро и решительно, свободной рукой схватил «Чёрную маску» за спину и рывком вытянул вперёд. Зал взорвался аплодисментами. Дрожащим от волнения голосом Степан произнёс:

— Экей, а... Мы же договаривались честно бороться. А ты оглушил меня ударом в переносицу. Теперь пеняй на себя.

Как только слова Степана донеслись до зрителей, в зале поднялся гул. Люди, осознав, что произошло, не сдержались и начали выкрикивать упрёки «Чёрной маске»:

— Не стыдно тебе?!

— Сил не хватает, а в борьбу ввязался!

Степан, разъярённый и полный решимости, высоко поднял «Чёрную маску» над головой и с силой бросил его на пол. Грохот удара эхом разнёсся по арене. Противник вскочил на ноги с привычной ловкостью, но не успел и шагу сделать — Степан настиг его в мгновение ока, схватил, снова поднял и швырнул с удвоенной силой.

Хозяин цирка, бледнея, наблюдал за происходящим. Он ясно понимал: если не остановить схватку немедленно, мужик в лаптях одолеет «Чёрную маску» и разоблачит цирковой трюк. Решительно свистнув в дудку, он громко и властно приказал:

— Сейчас же остановитесь! Вы нарушили правила борьбы!

Богданов, кипя от негодования, подбежал к хозяину цирка:

— Сударь, вы не вправе останавливать борьбу! Степан, молодец! Не останавливайся! Пусть все узнают, на что мы способны!

Степан, не забывая о коварном ударе в переносицу, стиснул кулаки:

— Я покажу тебе, окаянному, как надо бороться по-честному! — выкрикнул он и снова бросил противника на пол.

«Чёрная маска» упал лицом вниз и не шевелился. В голове его билась одна мысль: «Если снимут маску — всё кончено». Опасаясь разоблачения, он решил притвориться мёртвым.

— Степан, чего замер? Переверни его на спину! — громко приказал Богданов.

Степан подчинился, перевернул неподвижного соперника и растерянно взглянул на Илью. Арена погрузилась в мёртвую тишину.

— Что смотрите?! Отнесите его к доктору, живо! — резко крикнул хозяин цирка, пытаясь взять ситуацию под контроль.

«Черную маску» унесли. В тот же момент Богданов обратился к публике:

— Уважаемые судари и сударыни, как видите, мы победили!

Подойдя к барьеру, он забрал деньги и драгоценности. Тощая женщина вдруг вскрикнула:

— Убийцы! Грабители!

Тем временем хозяин цирка подбежал к Богданову.

— Сударь, деньги верните на место!

— С какой стати?

— Ваш боец нарушил правила борьбы. Поэтому борьба не может считаться оконченной!

— То же самое и я говорю! — поддержал пузатый господин хозяина цирка, понимая, что может потерять тысячу рублей,

Другие женщины подхватили крик тощей женщины:

— Разбойники!

— Что другие борцы смотрят?! Почему за товарища не заступаются?!

Богданов видел, как в глазах борцов заиграли жуткие искры, сжались кулаки. Чувствовалось приближение битвы, о которой он давно мечтал. Он постарался ускорить этот момент:

— Что кричите?! Или хотите, чтобы борьба продолжалась? Ладно, принесите сюда «Черную маску»! Только не забывайте, что не только «Черная маска», из которой сейчас сделан кисель, но и все цирковые борцы разом не стоят и мизинца моего друга.

Это было уже слишком. Еще больше разгневались борцы, настроенные отомстить за «Черную маску». Более того, публика скандировала:

— Что смотрите! Видите, они вызывают вас на бой! Или вы ждёте, что зрители потеряют к вам уважение?!

Хозяину цирка ничего не оставалось, как отдать приказ:

— Бейте их!

Борцы разом бросились на Богданова и Степана. Степан на мгновение растерялся. Он ведь не испытывал злобы к этим людям. Да и «Чёрную маску» он наказал лишь за нечестность. Поэтому он не сразу ответил ударом на удар.

— Помилуйте, что вы делаете? — произнёс он, пытаясь понять, что происходит.

Но борцы наносили всё более сильные удары. В душе Степана закипала ярость.

— Эй, э... Не по-людски поступаете... — с горечью сказал он. — Мы пришли сюда для мирной борьбы. Вы же нападаете, словно разбойники из Пакашевой рощи. Пеняйте на себя! — и с этими словами он яростно схватил первого попавшегося борца и швырнул его в сторону.

Тот полетел, свернувшись в клубок. Степан попытался схватить следующего, но тот ловко отскочил. Остальные борцы отступили на безопасное расстояние. Они учли ошибку «Чёрной маски»: вместо того чтобы сражаться лицом к лицу, начали наносить удары сбоку, стараясь не попасть под руку Степана.

— Богатыри, аврал! — громко крикнул Богданов.

В этот момент двенадцать зрителей поднялись со своих мест и бросились на арену, наступая по пути кому-то на ноги. Выскочив на арену, они сразу же вступили в бой, словно каждый заранее выбрал себе противника.

Богданов, не теряя времени, тронул хозяина цирка за локоть:

— Сударь, защищайтесь!

Хозяин цирка испугался. Мужчина с черной бородой был похож на волка, пытающегося его убить.

— Вы с ума сошли? Пожалуйста, уходите!

— Защищайтесь! — напомнил Богданов еще раз и, прежде чем тот успел что—либо сказать, ударил его кулаком в грудь. Владелец цирка покачнулся и упал.

Богданов остановился — он уважал обычай «лежачего не бьют». Затем подскочил к пузатому господину, который едва мог разогнуться от смеха.

— Сударь, защищайтесь! — громко произнёс он.

Пузатый господин побледнел, на лбу выступил холодный пот.

— Сударь, ваши попытки шутить неуместны! — проговорил он дрожащим голосом. — Отойдите от меня, пожалуйста...

— Что?! — Богданов громко расхохотался, и в смехе этом прозвучала угроза. — Значит, вы в шутку заставили борцов напасть на нас? Так вот, вкусите немного этой шутки!

Он резко ударил толстяка в бок — тот, потеряв равновесие, растянулся вдоль барьера.

— Ну что, сударь, как? — с насмешкой спросил Богданов.

Толстяк, собрав остатки достоинства, ловко вскочил и бросился через барьер. Богданов лишь успел пнуть его вдогонку.

Настроение у Богданова было приподнятым: такого отчаянного боя он и не мог вообразить. Ему хотелось посмеяться над зрителями и работниками цирка, но время не терпело. Он, мастер дерзких поступков, быстро придумал план и помчался за кулисы.

Тем временем на арене кипела схватка. Борцы, пользуясь ловкостью, старались не подпускать крючников на близкое расстояние, нанося молниеносные удары сбоку. Первыми они повалили Костю и ещё двух крючников. Степан, увидев это, почувствовал, как в груди закипает ярость. Он бросился к группе, которая била Костю, одним мощным ударом ноги сбил одного борца, а второго схватил за воротник и с силой отбросил в сторону.

Вокруг раздавались стоны и крики. Степан схватил ещё одного из борцов, высоко поднял его над головой и яростно закричал:

— Прекратите сейчас же!

Внезапно погас свет, и цирк окутала непроглядная тьма. Бой тут же затих. Многие работники цирка и борцы, воспользовавшись моментом, поспешили уйти с арены — темнота стала для них спасением от поражения и позора. В тишине раздался пронзительный крик:

— Карау-ул! Спасайтесь! Львы вышли из клеток! Спасайтесь!

Зрители, словно стадо овец, ринулись к выходу. Они толкались, падали, топтали друг друга. Вокруг царил шум, крики и хаос. Богданов ощутил, как внутри нарастает напряжение: «Нельзя терять ни секунды. Осветитель быстро восстановит рубильники, а за ним явится полиция».

— Богатыри! Скорее ко мне! — громко и властно позвал он.

Перепуганные крючники поспешили на голос подрядчика. Богданов по очереди окликал их:

— Костя! Емелька! Филька!..

Степан замешкался:

— Погоди—ка! У меня тут где-то кафтан и шапка...

Богданов резко оборвал его:

— Чёрт с ними, завтра новый купим. Скорее уходим!

С тоской оглядываясь назад, Степан всё же двинулся за товарищами — страх перед львами пересилил желание спасти кафтан. В густой темноте, наполненной криками и топотом ног, никто не заметил, как крючники незаметно ускользнули с арены. Через чёрный ход они вышли в узкий, сырой переулок, пропахший гнилыми досками и крысами. В этот миг со стороны парадного входа раздались резкие, пронзительные свистки городских.

— Храбрецы, подспела полиция! — громко крикнул Богданов, перекрывая шум.

Они побежали, слыша за спиной отдаляющиеся звуки суеты и паники. Лишь перебежав широкую главную улицу и нырнув в тёмный переулок, остановились, тяжело дыша. После

короткой передышки осмотрели друг друга: никто не получил серьёзных ран. Только Степан, ощутив на себе порванную рубашку, вздохнул. Богданов улыбнулся, протянув ему сто рублей:

— Не горюй! Завтра купим тебе такой кафтан и шапку, каких ни один чуваш ещё не носил!

Степан почувствовал, как сердце забилося чаще. В его руках сто сорок рублей — огромная сумма для Энешкасси, где такие деньги водились разве что у Миххи.

— Илюш, спасибо!..

— За что? — громко рассмеялся Богданов. — Это твоя заслуга, Степа!

— Степан молодец! — хором поддержали крючники, хлопая его по спине и плечу.

— Интересно, что сейчас там в цирке творится? — со смехом спросил один, вытирая рукавом пот с лица.

— Когда я услышал, что львы вышли из клеток... — начал другой и на мгновение замолчал, вспоминая пережитый ужас. — ...чуть от страха богу душу не отдал!

— Львы спокойно сидели в своих клетках, — с лукавой улыбкой сообщил Богданов. — Я нарочно всех напугал. Пусть это представление им долго снится!

Он сиял: глаза блестят, улыбка до ушей — такого восторга он не помнил давно. Полторы тысячи наличными от циркачей и зрителей, да ещё на тысячу драгоценностей — не жизнь, а сказка! Азарт ещё не отпустил, подстёгивал: «Давай ещё!»

— Богатыри! — зычно выкрикнул он. — Угощаю всех! Только чур — молчок: кто вы, где были — никому!

Глава 4

Матрёна проснулась, как всегда, на заре — в тот хрупкий час, когда воздух ещё прозрачен, а тени длинные и чётки. Она развела огонь, чтобы сварить суп на пятьдесят человек, и тут же, словно укол в сердце, вспомнилось: вечером Богданов увёл новичка вместе с несколькими крючниками — и ни один не вернулся к полуночи. Удивительно, но прежде Матрёна ко всем относилась одинаково, а теперь мысли её невольно, настойчиво, почти против воли, возвращались к новому крючнику.

Тихо, едва касаясь половиц, она вошла в общежитие, боясь потревожить сон остальных. Глаза медленно привыкали к полумраку. Казалось, всё было, как обычно: кто—то растянулся поперёк лавки, кто—то, уронив голову на стол, спал сидя, иные лежали на полу, свернувшись калачиком.

Матрёна пригляделась к одному из них: Костя! Но только голова была коротко острижена — борода и усы тоже исчезли. «Что это?» — она перевела взгляд на других, лежащих рядом, — и снова то же: голые подбородки и бритые головы.

Красивые, удалые мужчины, ранее с широкими бородами и длинными волосами, теперь казались глупыми детьми. И тут она догадалась: это всё шутки Богданова. Она отыскала Степана. Он лежал на спине, раскинув руки, как будто хотел обнять весь мир или, напротив, защититься от него. Разорванный пиджак приоткрывал могучую грудь — широкую, сильную, дышащую какой—то первобытной мощью. «Уж не удержался, чтобы не посмеяться над человеком!» — подумала Матрёна с горечью. Если бы Богданов был здесь, она бы ему всё высказала. Сердце, взбудораженное странным, новым чувством, забило сильнее: бритый, безбородый Степан казался ей трогательно уязвимым.

Степану снился страшный сон. В Казани он купил лошадь — ту самую, что когда-то пропала на лугу, — и возвращался домой верхом. Ровно на полпути, из Пакашевой рощи, навстречу ему выскочили двенадцать вооружённых до зубов разбойников. Среди них был Филипп. Схватив узду, он яростно крикнул:

— Это моя лошадь!

— Нет, моя! Я её никому не отдам! — отозвался Степан и замахнулся кулаком, но промахнулся. Филипп отскочил, а остальные накинулись на Степана. Из ран хлынула кровь. Он пытался их поймать, отомстить за все обиды, но они ускользали, смеялись, исчезали в темноте. Хлопнул выстрел. Степан упал. Лошадь увели. Он почувствовал, как внутри всё горит от боли. И тут увидел: на вершине дерева сидят бесы с распущенными волосами. Среди них — та самая тощая женщина. Он умолял дать хоть каплю воды. Они показали ему язык и с ревом умчались в лес.

А потом на дороге появилась женщина. Приглядевшись, он узнал ту, что прислала подарок его внуку. Она приблизилась — и вдруг превратилась в Матрёну, которая готовила пищу для крючников. Степану казалось, что и она пройдёт мимо, не заметив его страданий. Но она подошла, наклонилась:

— Милый, Степан Иванович... Что с тобой?

— Пить... Пожалуйста, хоть каплю воды... — еле слышно прошептал он.

Она взяла со стола миску, принесла воды. Он жадно пил, приходил в себя, радуясь, что жив. И вдруг расстроился: женщина, назвавшая его «милым», исчезла. Очнувшись окончательно, он поднялся. Но, увидев на себе рваный пиджак вместо рубашки, на мгновение забыл о жажде. В голове вспыхнули обрывки: цирк, драка с борцами, кафтан и шапка на полу. Он попытался утешить себя: «Не буду унывать. На сто сорок рублей, что заработал вчера, куплю кафтан, новую шапку». Сунул руку в карман — и замер. В кошельке было всего два рубля сорок копеек. Он вдруг, словно в припадке безумия, схватился за голову — но пальцы скользнули

по гладкой поверхности. Дрожащие ладони пробежали по подбородку — и там не нашлось ни единого волоска, лишь голая, чуть шероховатая кожа. «Господи...» — вырвалось у него шёпотом. Память возвращалась медленно, кусками, будто обрывки забытого сна. Он вспомнил, как Богданов сунул ему сто рублей, как накиннул на плечи свой пиджак; как они с товарищами зашли в трактир — но задержались там недолго. Рюмка, другая — и вот уже на улице. Богданов машет извозчикам, командует крючникам забираться в повозки, сам устраивается рядом со Степаном.

— Гони к Красному фонарю! — бросает он кучерам. — Степа, друг... Таких, как ты, я ценю. Сегодня ты увидишь то, чего ни один чуваш ещё не видывал. Только помни: со мной — всегда удача!

Настроение взмыло куда-то под облака. Кто бы мог подумать, что Илюша, этот великолепный русский, будет говорить с чувашем без тени презрения! Тот факт, что Богданов воспользовался его силой и сорвал крупный куш, не тревожил Степана ни капли. Вскоре повозка остановилась перед каменным двухэтажным домом, над входом которого мерцал красный фонарь. Извозчик осадил лошадь:

— Сударь, приехали!

— Приехали? Богатыри, вперёд! — весело крикнул Богданов.

Фонарь оставался загадкой для Степана, но остальные крючники уже поняли, куда их привезли.

— Илюш, зачем нас сюда притащил? — раздался чей-то голос.

— Испугались, что ли? — хохотнул Богданов. — Да бросьте, никто вас тут не съест. Где это видано, чтобы куры с ястребом справились? Сегодня я вам такое покажу — запомните на всю жизнь! Только не подкачайте.

Дом позора встретил их шумной компанией женщин — ярких, бойких, с игривыми, лукавыми улыбками. Богданов что-то шепнул одной из них — и тут же грянула музыка. Женщины закружились в танце, увлекая за собой крючников. Те, захваченные вихрем веселья, быстро разбились на пары. К Степану вплотную подошла молодая женщина. Он попытался отстраниться, но вино, затуманивавшее разум, лишило его воли к сопротивлению...

Его вырвал из забытья резкий толчок — кто-то настойчиво тряс за плечо. До слуха донёсся нетерпеливый женский голос:

— Вставайте! Ну же, вставайте!

Степан с трудом разлепил глаза и содрогнулся, увидев перед собой молодую женщину с зажатой в губах сигаретой. В голове пронеслось: «Боже мой, где я? Кто она?»

— Вас ждут товарищи, — холодно произнесла женщина. — Пора идти.

Он уставился на неё покрасневшими глазами. Ещё недавно в его воспоминаниях она казалась полной жизни и обаяния, а теперь перед ним стояла какая-то чужая, холодная женщина, в которой не осталось и следа былого очарования. С откровенным отвращением она сняла с спинки стула его штаны и швырнула на пол. Пиджак последовал за ними — так же небрежно. Степан осознал, что совершенно раздет, и кровь бросилась ему в лицо: ему хотелось провалиться сквозь землю. «Что же я натворил?..»

Пошатываясь, он кое-как натянул штаны и пиджак, затем машинально сунул руку в карман. Пальцы наткнулись на что-то подозрительно тонкое — кошелёк. Степан вынул его, и сердце ёкнуло: внутри оказалось всего два рубля сорок копеек.

— Помилуйте, где же остальные? — прошептал он в отчаянии. Он торопливо обшарил все карманы — везде было пусто. Женщина, нетерпеливо ожидая, пока он уйдёт, громко произнесла:

— Что смотрите? Почему не уходите?

— Где мои деньги? — растерянно спросил он.

— О каких деньгах вы говорите?

— Вот в этом кошельке было больше ста тридцати рублей. Теперь — два сорок. — Он показал кисет дрожащими руками.

Она затушила сигарету. На лице её вдруг появилась нежность, мягкая, как растопленное масло в пьяном угаре вечера.

— Разве вы не помните, что отдали мне деньги?

— Что? — простонал он. — Я вам ничего не давал!

— Сударь, не шутите так... — улыбнулась она невинно. — Или и со мной вы не были?

— Этого я не могу отрицать.

— И за это спасибо. А теперь уходите.

Она нажала какую-то кнопку, и в тот же миг в комнате появились двое мужчин. В одном из них Степан узнал официанта.

— Что тут такое? — спросил один.

— Этот наглец хочет устроить скандал. Проводите его, — бросила женщина.

Степан, хоть и был поражён тем, как эти двое вошли — будто ждали сигнала, — всё же надеялся, что они встанут на его сторону.

— Добрые люди, эта женщина меня ограбила!

— Ты бредишь, пьяная овца!

— Уходи, пока голова цела! — закричали они.

— Помилуйте, неужели вы заодно?

— Эй, что тут говорить?! — раздражённо фыркнул официант и схватил Степана за руку.

— Так вы в сговоре с этой воровкой? Ограбили меня и теперь выгоняете? Нет, никуда не пойду, пока деньги не вернёте! — Степан стиснул зубы и оттолкнул официанта. Тот отлетел назад и ударился о трюмо — зеркало со звоном разлетелось на осколки.

— Караул-ул! — с яростным криком выбежала из комнаты женщина.

Богданов и крючники, ждавшие Степана внизу, услышали шум и топот наверху.

— Что там ломают? — спросил Костя.

— Что-то Степана долго нет. Не случилось ли беды? — забеспокоились крючники.

— Богатыри, аврал! — воскликнул Богданов.

Когда они вбежали на второй этаж, их взорам открылось странное зрелище: навстречу бежали женщины — кто в халате, кто почти раздетый, спутанные волосы развевались на бегу, делая их похожими на лесных духов. Один из мужчин, напавших на Степана, стонал на полу, другой верещал, как заяц, в руках у Степана. Тот, схватив его за грудки, бешено вращал зрачками:

— Отдавайте деньги! Всю душу из тебя вытрясу!

— Степа, что случилось? — крикнул Богданов на бегу.

Услышав знакомый голос, Степан отпустил официанта. Тот попытался бежать, но крючники схватили его.

— Меня ограбили... — простонал Степан.

В конце коридора вокруг хозяйки собралась толпа женщин. До крючников донеслись обрывки фраз:

— Разбил трюмо... Покушался на меня...

Вдруг Богданов узнал в хозяйке ту самую женщину, что поставила на «Черную маску» все свои драгоценности. Она тоже его узнала и яростно закричала:

— Вот они! Это они разграбили мои ценности!

— Сударыня! — мягко произнёс Богданов. — Уважаемая сударыня, успокойтесь, пожалуйста...

Женщина бросилась бежать, не оборачиваясь. В доме снова поднялся переполох.

— Караул! Полиция!

— Чёрт возьми! — выругался про себя Богданов. Он понимал, что на милость полиции рассчитывать не стоит. Будь дело только в разбитом трюме — ещё можно было бы уладить. Но эта женщина видела их в цирке. Если полиция узнает — легко не отделаться. «Надо бежать, пока не схватили», — решил он и обернулся к крючникам:

— Богатыри, нам пора. Уносим ноги!

— Как? — возмутился Степан.

— Домой, Степан...

— А мои деньги здесь останутся?

— Успокойся, Степа... Не терять же голову из-за этого. Деньги ещё заработаешь. Если попадёшь в руки полиции — легко не отделаешься!

Сердце Степана сжалось.

— Полиция?

— Да, Степа, они могут появиться в любую минуту!

Хоть он и не хотел уходить без денег, страх перед полицейскими оказался сильнее. Он помнил удары берёзовым прутом, помнил, как пропал его сын из-за преследования полиции. И он невольно последовал за крючниками.

Они благополучно добрались до Науси. Вместо того чтобы идти в общежитие, Богданов привёл их к парикмахеру, велел остричь волосы и сбрить бороды с усами. Затем, забрав с собой парикмахера в общежитие, он занялся остальными крючниками — и вскоре все они стали неузнаваемы.

Воспоминания вонзились в сердце, как острый нож, — болезненно, неотвратимо. Он лишился не просто денег, кафтана, рубашки и шапки. Он лишился самого себя. Опозорил имя жены, вверг в грязь собственное достоинство — и теперь весь мир, казалось, смотрел на него с осуждением.

Он хотел бы заплакать — пусть слёзы прольются ручьём и унесут часть тяжести. Но глаза оставались сухими. Хотел бы вырвать волосы, чтобы физическая боль заглушила душевную, — но голова была обрита.

«Что я наделал...» — эта мысль крутилась в голове, как проклятие.

Где-то в глубине души он даже нашёл оправдание той женщине: «Кого ещё грабить, как не такого дурака?» Сто сорок рублей — было целым состоянием для него. Он был счастлив. До того момента, как вошёл в тот поганый дом.

Он ведь знал о нём. Слышал. И брезговал. Отворачивался, когда говорили. А теперь сам там оказался. Погряз в мерзости — по своей воле. Как теперь предстать перед людьми? Перед невесткой? Перед самим собой? «Нельзя показываться на глаза, — решил он. — Никому».

Куда идти? Где скрыться? «В Волгу...» — мелькнуло в сознании. — «Прыгнуть с обрыва...»

И, вопреки всему, эта мысль принесла странное, пугающее облегчение. Будто тяжёлый груз вдруг стал легче.

Матрёна переступила порог общежития крючников так тихо, что даже мыши, шуршавшие за досками, не прервали своей возни. Степан сидел в углу, уронив голову на грудь. Матрёна замерла. Щёки обожгло горячим румянцем, и она невольно прижала ладонь к груди, будто пытаясь унять бешеный стук сердца. Ноги сами сделали шаг вперёд. Вид его понурой фигуры — осунувшейся, измученной похмельем — вдруг придал смелости.

— Степан Иванович...

Он вздрогнул, поднял голову — словно очнулся от тяжёлого сна. В дверях стояла повариха, а за её спиной — рассвет, размытый, как акварель, с полосами розового и серого. Он поспешно прикрыл грудь отворотом рваного пиджака, и снова опустил голову, словно придавленный невидимой тяжестью.

— Степан Иванович, — голос Матрёны прозвучал мягко, как шелест травы, — вижу, голова болит. Потерпи немного. Сейчас принесу шкалик, легче станет.

«Господи...» — сердце его сжалось, разорвалось на части: «И она надо мной смеётся. Вот что значит тот сон... С рассветом весь мир узнает, какую я совершил мерзость... В Волгу, вниз головой... Это единственный выход. Хорошо, что на рассвете не слишком светло. Никто не увидит...»

Сквозь мутное стекло Матрёна увидела, как он торопливо идёт вдоль улицы — сгорбившись, будто под грузом. «В кабак, — подумала она. Но что—то толкнуло ее за ним.

Она вышла следом. Улица была пуста, только ветер гонял пыль. Степан дошёл до конца, свернул направо — туда, где берег обрывался над Волгой. Матрёна знала это место: пустынное, тихое, с редкой травой, пробивающейся сквозь глину.

«Что он там ищет?» — думала женщина. И вдруг перед глазами встало: он сидит, опустив голову, без бороды, без рубашки, в этом рваном пиджаке... Нет. Не похмелье мучало его. Беда. Большая беда.

Степан остановился у обрыва. Волга текла внизу — спокойная, равнодушная, как вечность. Он много раз видел эту реку, но сейчас она казалась ему могилой, уже готовой, уже ждущей. Виноват был только он сам. Но как ждать, пока вода заполнит лёгкие, пока тьма сомкнётся над головой?.. Самое страшное — не смерть, а миг между жизнью и смертью. Вот он, этот миг. Он наступил.

Сначала казалось: всё кончено. Единственный выход — смерть. Но когда до неё остался последний шаг, его охватил ужас. Он повалился на землю, как подстреленный зверь, и вцепился руками в траву — зелёную, живую, цепляющуюся за жизнь так же отчаянно, как и он.

Матрёна добралась до берега и остановилась. Сначала подумала: может, искупаться пришёл, освежиться? Но когда тот с глухим стуком упал на землю, она, не раздумывая, подбежала, опустилась на колени рядом.

— Степан Иванович... Что с тобой?

Он вздрогнул и поднял глаза. В них была такая мука, что у неё защемило сердце.

— Степан Иванович, я несла тебе водки. Хотела помочь, вылечить похмелье. А ты уже убежал... Что случилось? Расскажи, прошу. Может, помогу чем—то. Любое несчастье тяжело пережить. А в одиночку — ещё тяжелее.

Её голос, тихий и ровный, как течение Волги, немного успокоил его. В душе что—то дрогнуло — и он решился.

— Помилуйте, — произнёс он наконец, — такому дураку и жить не стоит...

— Да хранит тебя Бог, Степан Иванович... Что же случилось? Или кто-то обидел?

— Дурак сам себя обидит и беду сам найдёт. В деревне невестка и внук остались без куска хлеба. Весна на дворе. Остальные крестьяне скоро выйдут пахать, сеять. А у меня нет семян. Хотел найти деньги быстро, вернуться. Подрядчик помог заработать... Вечером в кармане было сто сорок рублей... А теперь — ни копейки. Опять без хлеба, без семян.

— Потерял? — тихо спросила Матрёна.

— Украли...

Он рассказал, что случилось вечером. Ждал презрения, насмешки — а она молчала. Перед ней лежал мужчина, сильный, как дуб, но сейчас слабый, как ребёнок, раздавленный обстоятельствами. Матрёна поняла: он никогда раньше не попадал в такие истории. Ей захотелось утешить его, согреть словом, помочь — лошадь купить, корову, заставить забыть ту ночь.

— Почему не смеёшься? Больше никогда не встретишь такого дурака!..

— С удовольствием посмеялась бы, Степан Иванович, но не смешно, — вздохнула Матрёна. — Но всё же отругаю тебя. Зачем пил до беспамятства? Не знал, что здесь не деревня? Здесь люди разные... Да и наши крючники — кто умён, кто нет. Илья Никанорович... Иногда милый, никого не трогает, а иногда — от его дел тошно становится. И тебе он беду принёс...

Степан слушал, и сердце его понемногу успокаивалось. «Как верно... Как верно она говорит... Почему я пил? Зачем вошёл в тот дом?» — думал он с горечью.

— Не стоит так переживать, — продолжала Матрёна. — Ты же мужчина. Поработаешь неделю — снова будут деньги. Отвезёшь их домой. А сейчас вставай, пойдём в общежитие.

— В общежитие?.. — он испугался.

До сих пор разговор с Матрёной казался ему сном. Даже если и не сон — он надеялся, что всё останется между ними. Но теперь, когда она предложила пойти в общежитие, ему представилось: все узнают, все увидят его позор.

— Людям на смех?

— Не бойся, Степан Иванович. Никто не будет смеяться. Не нужно стесняться крючников. Они сами через многое прошли. И не будет им чести смеяться над тобой — над человеком, на которого они сами беду навлекли, над тем, кто впервые в городе оказался... Пойдём, Степан Иванович!

Он поднялся и пошёл за ней.

Глава 5

Проснулся Богданов только к десяти часам утра. От похмелья он никогда не страдал, и в этот раз самочувствие его было превосходным. Однако тревога всё равно сжимала сердце. «Сколько денег осталось? Надо проверить...» — пронеслось в голове.

Не поднимаясь с постели, он достал кошелек и вздохнул: «Чёрт возьми, сколько же я потратил! Хотя... двести рублей — это ещё не катастрофа».

Машинально подойдя к зеркалу, Богданов замер в изумлении: перед ним стоял совершенно лысый человек без бороды и усов. На мгновение его охватил ужас, но тут же он расхохотался, вспомнив, что именно так выглядят и остальные крючники. Веселье, однако, длилось недолго: мысль о возможных последствиях ночных дел мгновенно отрезвила его.

Ему отчаянно хотелось узнать, что говорят в городе. Он поспешил к почтовому ящику, схватил газету и жадно впился глазами в первую полосу. Заголовок «Нападение разбойников на цирк» заставил сердце сжаться. Но чем дальше он читал, тем спокойнее становилось на душе. Закончив, Богданов почувствовал, как к нему возвращается бодрость.

«Сплошное враньё, — ликующе подумал он. — Цирк пытается спасти свою честь. Сколько же хозяин заплатил журналисту? Отлично, нам это только на руку!» Он принялся искать в газете любые упоминания о событиях, произошедших в городе после представления в цирке, но тщетно.

Собрав драгоценности, Богданов покинул дом. Он сел в подошедший трамвай и невольно прислушался к беседе двух женщин:

— Слыхали, что ночью на цирк напали разбойники? — спросила одна.

— Слышала—слышала, — вздохнула другая, — ушли прямо из—под носа полиции.

Этот разговор развязал языки и остальным. Чего только не услышал Богданов, пока ехал до центра! Некоторые рассказывали, что разбойники ограбили одну богачку и забрали ее драгоценности. Другие говорили, что грабители никак не могли снять золотое кольцо и вырвали его с пальцем.

Сойдя на своей остановке, Илья в первую очередь зашел к ювелиру.

— Сударь, ваши драгоценности не стоят и гроша, — сказал тот, внимательно рассматривая перстни и серьги. — Фальшивка...

Илью будто кипятком обдало: «Чертова баба! Обвела всё—таки вокруг пальца!»

Он растерянно направился на рынок, в надежде распродать за бесценок всё это барахло. Здесь неожиданно удача улыбнулась ему. Свои «драгоценности» он сдал на рынке одному торговцу за триста рублей. Настроение подрядчика заметно улучшилось. Он зашел в кабак, поправил здоровье, встретил на улице городского, поговорил с ним. С нескрываемым любопытством расспрашивал он о «вчерашней истории в цирке» всех подряд. Слухи его радовали. Никто не подозревал, что в цирке были крючники.

В квартиру он вернулся в веселом расположении духа. Правда, его немного раздражало как ловко «обула» его в цирке тощая женщина, подсунув фальшивые украшения. Он старался утешить себя мыслью, что и без того выиграл тысячу шестьсот рублей. Если разумно вложить эту сумму, то можно получить хорошую прибыль. Богданов решил навестить свою артель. Не грех выпить с ними по стакану. Но не успел он покинуть свою комнату, как вошла Матрёна.

— Заходи, Матрена Игнатьевна! — радостно встретил её Богданов.

— Как себя чувствуете, Илья Никанорович?

— Замечательно, Матрена Игнатьевна. Как там дышат мои богатыри?

— Пошли на работу.

— Как Степа?

— Об этом я и хочу поговорить.

— Что случилось?

— Он просто раздавлен.

— С чего это?

— Вам ли не знать, Илья Никанорович. Кто был с ним в проклятом доме? При вас его ограбили. У кого не разорвется сердце, если он потеряет последние деньги?

— Ну и что?

— Илья Никанорович... Я думаю, что вам нужно заплатить ему деньги, которые он вчера потерял...

Богданов засмеялся. Матрена повысила голос:

— Ничего смешного я не сказала, Илья Никанорович. Если бы вы не повели его в тот дом, у него и по сей день лежали в кармане сто сорок рублей. Дома у него сноха с маленьким внуком без куска хлеба. Скоро село должно выйти на посев, у него даже семян нет.

Богданов перестал смеяться. Ему показалось странным, что Матрена так настойчиво заступалась за Степана.

— Матрена Игнатьевна, погоди! Почему вдруг такая забота о Степане? Не помню, чтобы ты так переживала за других!

Матрёну словно в костер сунули. Ей казалось, что Богданов заглянул ей в сердце: «Он же меня на смех поднимет, если я сейчас не возьму себя в руки!»

— Нет, это не так, Илья Никанорович, — с трудом скрывая волнение, оборвала она его. — Я стараюсь ко всем относиться одинаково. Вы никогда не прислушиваетесь к моим словам. Наверное, думаете, что женщина может понимать... Правда, учить вас нечему. Вы живете в городе не первый год, знаете его обычаи. Степан Иваныч — новичок. Сюда его пригнала большая нужда. А вы сбили его с толку.

Богданов прекрасно понимал, что виноват. Просто не хотел этого признавать:

— Он уже не мальчик — полвека прожил. В таком возрасте пора понимать, что к чему. Никто его здесь не держал, не поил насильно и в дом позора не тащил.

Слова подрядчика ещё сильнее огорчили Матрену.

— Верно говорите, Илья Никанорович, — холодно отозвалась она. — Кого ещё грабить, как не пьяного? Но что делать человеку, который впервые в городе? Тем более что друзья у него такие «добрые»: напоят да в позорный дом заведут...

Матрёна замолчала, ожидая ответа. На лице Богданова мелькнула весёлая искорка.

— Ладно, убедила. Выплачу ему ещё раз пятьдесят рублей, что он заработал. Пусть помнит мою доброту.

Глава 6

Время шло вперёд — неумолимо, равнодушно, будто не было в жизни Анук ни тревоги, ни тоски. Свекор, казалось, только что переступил порог и скрылся за дверью — а на деле минуло уже несколько дней. Анук верила: он вернётся, сдержит слово. Но где-то внутри, в самой глубине души, шевелилось тревожное: а вдруг что-то пошло не так? Вдруг какая-то невидимая сила задержала его в пути?

Хлеб, что дали родители, давно закончился. В животе урчало, но хуже голода была тревога за сына — она сжимала сердце ледяными пальцами. Просить у отца ещё — неловко. А идти к куму Василию — и вовсе стыдно. Гордость не позволяла протянуть руку за подаванием. Анук невольно подумала о Лукерье. Та спасла Николая в ту страшную ночь — предупредила вовремя. Если бы не она — урядник, стражник и толпа мужиков покончили бы с Николаем без лишних слов. Анук представила, как идёт к Лукерье и просит хлеба. Та, конечно, даст. Без вопросов, без упрёков. Но просто так брать — нельзя. «Я должна оставить что-то в заклад», — твёрдо решила она.

Она подошла к сундуку, откинула крышку. Внутри, укутанная в старую холстину, лежала гармошка. Анук достала её осторожно, будто касаясь чего-то живого. Пальцы скользнули по клавишам — инструмент отозвался тихим, жалобным звуком, словно вздохнул. После исчезновения мужа, после ухода свекра она часто брала гармошку в руки. Играла чувашские песни — медленно, задумчиво, растягивая ноты, будто пытаясь удержать ускользающее время. Звук инструмента был нежным, ласковым — он будил воспоминания, которые Анук так берегла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.